

БОРИС КОНОФАЛЬСКИЙ

ДОРОГОЙ СНОВ

· В О ·
· С Н Е ·
· И ·
· Н А Я В У ·

18+

Дорогой снов

Борис Конофальский

Во сне и наяву

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Конофальский Б.

Во сне и наяву / Б. Конофальский — «Издательство АСТ»,
2023 — (Дорогой снов)

ISBN 978-5-17-157406-2

Беги, или умрешь. Научись давать отпор, или умрешь. Будь в этом ужасном месте самым страшным чудовищем... Таковы правила, которые Светлане придется научиться применять, ведь мир снов не только вполне реален, но и тесно связан с нашим, смерть там означает гибель и здесь. Поэтому девушка постигает непростые уроки выживания, а между тем охота на нее начинается и во сне, и наяву. Кто она и почему с ней происходит все это?.. Света и сама хотела бы знать ответ на этот вопрос.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157406-2

© Конофальский Б., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	43
Глава 10	47
Глава 11	52
Глава 12	56
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Борис Вячеславович Конофальский

Во сне и наяву

© Конофальский Б., 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Открыть глаза. Закрыть глаза. Снова открыть. Ничего, абсолютно ничего не меняется. Ничего. Слепота? Ее глаза больше не видят? Она вспомнила еще не очень давний урок физики. Фотоны. Училка по физике, Анна Аркадьевна, говорила про них, что это частицы света, что летят в пространстве. Что эти частицы и есть свет. Так вот, ни один фотон в это пространство, где сейчас она находилась, не залетел. Полная темнота. Непроглядная тьма. Тьма такая, словно у нее попросту не было глаз. А еще влажность, которая пробирает прохладой спину. Прохладная сырость и полная темнота. Да, она чувствовала, как промокли ее майка и трусы со спины. У нее еще и ступни ног, и особенно пальцы, чуть-чуть замерзли. А руки ее, которые она держала вдоль тела, нащупывали влажные комочки. Земля была сырой и рассыпалась под пальцами. И тут ей показалось, что по правой ноге ее что-то... кто-то ползет. Маленькие крючочки цепляются за ее кожу, цепляются и цепляются, настойчиво ползут вверх по ноге. Начали с голени и, цепляясь дальше, приближаются к колену. Девочка больше всего на свете не любила всяких жуков и вообще насекомых. Всех. А тут какой-то жучок, или кто еще там, ползет по ее ноге. Да еще в этом мраке она не могла поглядеть на него. Не могла увидеть ЭТО. Страх вперемешку с омерзением. От УЖАСА девочка закричала, вернее, вскрикнула коротко, встряхнула ногу: сбросить, сбросить, сбросить эту дрянь с себя. Немедля. Она даже попыталась приподняться, чтобы стряхнуть это с ноги... В полном мраке девочка бьется зубами и губами обо что-то жесткое. На лицо сыплется песок и мелкие камушки, их мало, но теперь еще и песок скрипит на зубах, а во рту мерзкий привкус крови. Но ни песок, ни кровь, ни даже та тварь, что ползет по ее ноге, не вызывают в ней такого ужаса, как осознание того, что в этой крошечной тьме над ней что-то нависает. Большое, тяжелое, каменное. Она даже позабыла на время о том, что по ней кто-то ползает, теперь девочке было нужно... просто необходимо узнать, что это над ней, что под ней и где она вообще находится. И предчувствие чего-то ужасного зарождалось у нее в душе тем больше, чем больше она начинала осознавать себя, свое положение. Кажется, она просыпалась. Приходила в себя от глубокого, глубокого сна, в котором случилось что-то страшное. Мысли ее становились все четче. Темнота, сырая земля, нависающее над ней нечто, какая-то дрянь, ползающая по ноге.

Что это такое? Где она? Почему она здесь? Ведь вчера, девочка это сейчас отлично помнила, она ложилась в свою постель, в своей комнате, которую делила с двумя пятилетними братьями.

А теперь где она? Как она тут очутилась? Что это такое вокруг?

Та тварь уже доползла до колена. Девочку аж затрясло. В попытке стряхнуть ее она захотела согнуть колено и сразу ударилась им о камень, что нависал над ней. В том, что это был

камень... ну или что-то такое же твердое и холодное, сомнений уже не оставалось. Девочка, на секунду позабыв про существо, что ползало по ноге, попыталась поднять руку, но опять ударила, на сей раз костяшками пальцев. Камень, кажется, был повсюду. Она поняла, и для этого ей не нужны были глаза, что лежит на сырой земле под огромным камнем, в полном мраке и сырости. Девочка проглотила слюну с привкусом крови, стиснула зубы, как будто боялась, что ее кто-нибудь услышит, и негромко завывала. Ничего другого она сейчас не могла сделать. Только выть. Но собственный вой еще больше напугал ее. Звук собственного голоса был отвратительным и пугающим, до ужаса глухим. Это был звук могилы. Девочка была уже достаточно взрослой и понимала, что такое смерть и могила. И это место казалось как раз тем, что могло так называться. Она поняла, что погребена. Ужас обрушился на нее горячей волной, да еще та тварь, что ползла по ней, кажется, решила, что ее нога выше колена – неплохая еда, или дом, или место для кладки яиц. Тварь начала весьма основательно, по-деловому, вгрызаться в кожу девочки. Не просто укусила вдруг, а именно стала вгрызаться, крепко и надежно вцепившись в кожу лапами-крючками, чем-то острым стала ее прокусывать, один кус за другим, один за другим. Помимо того, что ей было больно, это место еще и дико чесалось, но хуже всего то, что ей было страшно.

Страшно от того, что кто-то, хоть и невидимый, но явно мерзкий, настырно и усердно дырявит кожу. Какие-то мысли, попытки что-то понять и так были зыбки, эфемерны от заливающего душу ужаса, а тут и вовсе покинули ее. Она уже не могла ни понимать, ни думать, ни анализировать. Девочку затрясло, выгнуло. Ей надо во что бы то ни стало освободиться, выбраться отсюда. Выбраться, чего бы это ни стоило. Ее мозг разрывал ужас: тьма, прохладная сырость, могильные звуки, какая-то тварь на ноге и этот страшный камень, камень, почти придавивший ее к мерзкой и холодной земле! Девочку затрясла истерика, она сначала выгнулась, закричав что было сил, а от сдавленного и глухого, поистине замогильного голоса ей стало еще хуже, еще страшнее. Она задергалась, лишь бы сбросить эту тварь с ноги. Дважды сильно ударила лицом о камень, сначала бровью и еще раз зубами. Потом она попыталась дотянуться до вьедливой твари рукой, но лишь расцарапала в кровь костяшки пальцев. И лишь разбив о все тот же камень еще и колено, она все-таки скovyрнула с себя это существо и, кажется, раздавила эту тварь. Но от этого легче почти не стало. Истерика прошла, вернее, затихла – девочка устала, растратив много сил. Она все еще лежала на влажной земле, и над ней все еще висел проклятый огромный камень. И ужас от осознания этого никуда не делся. Девочка была уже весьма самостоятельной, но тут это ровным счетом ничего не решало. Что ей делать, что? Умереть в этом ужасе?

Заснуть? Звать кого-то? Тут она не выдержала, заплакала и позвала... Конечно же, маму...

– Мама... – И, уже не пугаясь замогильного звука своего голоса, повторила: – Мама... – и больше ничего произнести не смогла. Теперь даже говорить ей не хотелось, она просто лежала без слез и стонов, подрагивала от холода и ожидания, что кусачая тварь вернется и снова вопьется в кожу. Больше ей, кажется, тут ждать было нечего.

Поэтому от того, что произошло в следующую секунду, она вздрогнула.

– Кто здесь? – раздалось в темноте.

Да! Да! Да! Кто-то ее спрашивал! Спрашивал чистым голосом, не приглушенным спертым воздухом могилы, не сдавленным от ужаса. Она даже дышать перестала от волнения.

«Мне это не послышалось, не послышалось», – убеждала себя девочка, собираясь что-то ответить. Но что? Как назло, ничего не шло в голову, а еще она побаивалась, что эти слова ей почудились, ответ она на вопрос, ничего не произойдет и больше ничего она не услышит. И тут снова прозвучали слова, все тот же вопрос сказан был чистым голосом и тоном, которым говорят добрые люди, обязательно добрые люди.

– Здесь кто-то есть?

– Я... Я здесь, – почти закричала девочка, все еще боясь, что ей больше не ответят. И опять звуки ее голоса были ужасны, а звуки отвечающего чисты и красивы.

– «Я»?.. – Пауза. – А есть ли у вас название? Имя? Вы имеете имя?

Девочку не удивил такой вопрос, ей сейчас вообще было не до удивления. И попытка выяснить название не показалась странной: она поспешила сообщить имя, она почему-то думала, что это важно:

– Я Света, Светлана Фомина.

– Света, Светлана Фомина, – как бы раздумывая, произнес некто тем же чистым голосом. А после опять спросил: – Вы находитесь ниже уровня горизонта, над вами грунт, вы там внизу от кого-то прячетесь?

– Нет, нет, – спешила ответить девочка, – я тут не прячусь... Я не знаю, как тут оказалась. Я не прячусь... Нет...

Она говорила быстро, едва не сбиваясь на рыдания. Светлана очень боялась, что обладатель красивого голоса вдруг перестанет с ней говорить.

– Вы хотите оттуда выбраться? Или мне это кажется?

– Нет, не кажется, не кажется... Я очень хочу отсюда выбраться! – Фомина уже почти кричала, и загробный звук голоса уже не пугал ее. – Я очень хочу! Не могли бы вы мне помочь... Или... Или позвать кого-нибудь на помощь?

– Не уверен, что смогу вам помочь... – Эти слова для Светланы прозвучали страшно. – И уж точно для вас будет только хуже, если кто-то из местных обитателей прознает о вашем существовании.

– Что? – Светлана Фомина готова была снова сорваться в истерику. – Вы не можете мне помочь и не хотите никого позвать мне на помощь?

– Нет, вы не правы, я хочу вам помочь, но чем? Здесь, в месте, где я нахожусь и рядом с которым находитесь вы, лучше никому о вас не сообщать. Там, под грунтом, вы в безопасности.

– Я не нахожусь здесь в безопасности, не нахожусь, не нахожусь, – едва не кричала девочка. – Я хочу выбраться отсюда.

– Выбраться... Выбраться... – повторил голос как-то задумчиво. – Не думаю, что для вас это будет лучше, но я не буду брать на себя смелость и давать советы... – Некто чуть помолчал, еще раз напугав Светлану тишиной, и продолжил: – Мне отсюда не очень хорошо слышно, но поначалу мне показалось, что справа от вас есть полость, она заметно больше той полости, в которой находитесь вы.

– Полость? – Фомина не понимала, о чем ей говорит собеседник. – Полость?

– Да, теперь я могу сказать это с уверенностью, справа от вас есть пространство большего объема, чем то, в котором вы сейчас находитесь. Вам нужно двигаться правее от своей оси, если вы, конечно, не зафиксированы теми обломками, которые над вами. Вы можете двигаться?

– Двигаться? Да, кажется, я могу двигаться. Направо, да?

– Направо от вашей оси, если вы лежите полостью рта кверху.

«Полостью рта кверху»... Девочка не стала долго думать над этими словами и вытянула правую руку вдоль земли и, к своей радости, ни до чего не дотронулась.

– Мне туда ползти?

– Попробуйте. Там объем значительно больше того, в котором находитесь вы.

И Светлана, ударяясь коленками о камень, висящий над ней, стала по сантиметру, по сантиметру просачиваться вправо от себя.

Она все еще очень боялась, что голос исчезнет, и поэтому спрашивала:

– Я правильно ползу, вы меня видите?

– Я вас не вижу, но я слышу колебания воздуха, что вы производите, они становятся отчетливее, я слышу вас, думаю, вы преодолеваете пространство в правильном направлении.

Этот голос в полной тьме, в сырой прохладной могиле был для девочки единственным, что давало хоть какую-то надежду.

Он позволял ей не сойти с ума от страха, граничащего с паникой, и не провалиться в истерику от безысходности. Он для Светланы был словно маяк для корабля в беспросветной ночи, он давал ей направление к спасению. Она ползла лицом вверх, тяжело дышала, протискивалась между влажной землей и камнем, то и дело ударяясь о камень коленками. И один раз даже лбом. Но Светлана была очень рада тому, что все еще ни во что не уперлась по ходу своего движения. И тому, что голос ей отвечал.

– Я правильно ползу?

– Вы двигаетесь в правильном направлении, – слышала она все так же четко и хорошо.

И тут, когда она уже основательно сместилась вправо и случайно согнула колено больше, чем нужно... Колено вдруг не ударилось о камень. Волнуясь, девочка проползла еще немного и смогла согнуть оба колена. Камень теперь был уже не так близок, как раньше, коленями она его не доставала. Девочка с замиранием сердца подняла руку. И, о чудо... рука выпрямилась до конца, и только пальцы смогли прикоснуться к ненавистному камню. Она тут же перевернулась и села на колени, теперь лишь ее голова прикасалась к камню. Наконец-то она могла сидеть, жаль, что голову выпрямить было нельзя.

Светлана перевела дух, да, конечно, стало лучше. Пусть даже тьма так и осталась тьмою, но теперь она уже не была зажата в щели, теперь она могла двигаться. Например, обшарить темноту руками и ничего в ней не найти. Но тут же у нее возник вопрос, который она немедленно задала:

– А дальше мне куда?

– Дальше?

Девочка опять обрадовалась, услышав голос.

– Я не очень хорошо слышу, куда вам двигаться дальше, попробуйте повернуться направо, относительно своей оси... Градусов на восемьдесят.

Из всего сказанного девочка поняла лишь «повернуться направо».

Она сразу сделала это.

– Так?

– Да, вибрации стали четче, но попробуйте повернуться еще на двадцать градусов вправо.

– Так? – спросила она, еще чуть-чуть развернувшись.

– Да. Вот сейчас вы заняли идеальное направление, – прозвучал голос. – Теперь двигайтесь в этом направлении. Это путь на поверхность, если, конечно, вы считаете, что вам там будет лучше.

Она даже говорить на эту тему не стала. Что бы там ни было, тут Светлана оставаться не хотела точно. Девочка встала на четвереньки и поползла вперед, одной рукой шаря пред собой. Ей не хотелось налететь головой на камень. И хотя снова пространство перед ней сужалось, а каждые несколько пройденных метров она уточняла правильность своего направления, всякий раз невидимый собеседник сообщал, что звуки ее голоса становятся четче. И она ползла дальше. Единственное, что пугало девочку – под колени и ладони стали попадаться живые, колющие, хрустящие жуки, которых она случайно давила и которые при этом пытались укусить. Это, судя по всему, были те же гадины, что и первая, пытавшаяся прогрызть ей ногу. Они, конечно, пугали Светлану, но точно не могли остановить, она ползла и ползла вперед.

Глава 2

Кусаки становились все больше и все злее. Один из таких, чуть хрустнув под левой ладонью, сначала впился в нее каким-то ее шипом, а потом вцепился в мизинец, да так, что она вскрикнула и остановилась, чтобы оторвать твердую и страшную тварь от руки. Оторвала ее с силой, уколовшись еще раз, и, забыв страх, сжала так, чтобы раздавить кусаку. Кинула колючую тварь куда-то в сторону и всхлипнула от боли в исколотых руках.

Самое ужасное было то, что она их не видела. И поэтому не могла избегать контактов с ними. Девочка опять всхлипнула.

– Вы приостановили движение? – донесся до нее голос.

– Я уже ползу, ползу, – ответила девочка, не без волнения опуская ладони на землю. – Тут просто какие-то жуки... Они колют руки и кусаются.

– Если вы рассчитываете на мою помощь в продолжении вашего пути вверх, то вам нужно торопиться, мое время тут истекает, вскоре мне нужно будет покинуть эту локацию.

«Покинуть локацию, покинуть локацию... это значит уйти?» Страх, который только что, кажется, покинул Светлану, снова вернулся.

– Нет, я прошу вас, не уходите, скажите мне... куда мне ползти. И не уходите... пока... – стала быстро говорить она.

– Вы уже значительно продвинулись вперед, теперь возьмите... градусов двадцать пять левее от вектора предыдущего движения.

– Налево повернуть?

– Да, градусов на двадцать пять. И двигайтесь.

Светлана поползла вперед:

– Я правильно ползу?

– Да, правильно, но вам нужно торопиться, мое время истекает.

И тут ей стало уже не до жуков, которые хрустели под ладонями и коленями. Она ползла вперед, и теперь только одно волновало девочку:

– А когда вы хотите... Когда вы уйдете?

– Когда мои силы закончатся, я буду вынужден вернуться к себе.

– А когда они закончатся?

– Вы еще можете располагать мной какое-то время, я постараюсь быть с вами как можно дольше.

«Какие силы закончатся... какое-то время... как можно дольше...» – это ей ни о чем не говорило. Впрочем, назови он точное количество минут, это Светлане тоже не сильно помогло бы: девочка понятия не имела, сколько она тут находится и как тут течет время. Она просто старалась ползти вперед быстрее, уже не обращая внимания на уколы хрустящих «колючек»,

которых становилось все больше. Кажется, они еще и шипели. Но ничего, ничего, она старалась не обращать на гадин внимания, лишь спрашивала:

– Я правильно ползу? Правильно?

И с радостью, и с надеждой слышала ободряющее:

– Вы двигаетесь в верном направлении.

Девочка уже смирилась с тем, что руки, колени и даже голени были исколоты, одну тварь, небольшую, Светлана, не останавливаясь, вытряхнула из майки! Как она только туда забралась? Но пусть, пусть, лишь бы не добрались кусаки до лица. Ну и в трусы не забрались. Светлана торопилась, ей было не до кусак. А тут вдруг камень по ходу ее движения пошел вниз и вниз, вниз и вниз: сначала ей пришлось пригнуться, потом она поползла на животе, а потом... Камень опустился так низко к земле, что ей удавалось просунуть вперед только руку.

Она готова была зарыдать... закричать... возмущаться... Она была зла на голос.

– Тут нет пути! Нет прохода! Нет прохода, я тут не пролезу.

– Да, кажется, так и есть, – невозмутимо отвечал голос, – кажется, тот объем не соответствует вашим габаритам. Но вы не должны меня упрекать, я не могу видеть пространство вокруг вас, я лишь слышу колебания воздуха, которые вы производите.

– Но что же мне делать? – кричала Светлана, вытаскивая руку из щели, срывая с нее кусаку и давя его. – Что мне теперь-то делать?

Одна мысль, что ей придется остаться тут, в этой тьме, с этими омерзительными тварями, могла довести ее до самоубийства. Да было бы еще тут чем самоубиться! Но голос опять вселил в нее надежду:

– Мне кажется, область малых объемов перед вами не так уж и велика, вы сможете переместить некоторое количество грунта в обратную сторону от направления вашего движения?

– Что? – не поняла она.

– Грунт, как мне кажется, влажен, – продолжал голос, – его плотность невысока, попробуйте убрать часть его со своего пути. Если это вам удастся, то вы продвинетесь весьма значительно к выходу на поверхность.

– Мне надо рыть? – Светлана снова вытянула руку, согнула пальцы и загнула как можно больше сырой земли.

– Да, попробуйте убрать часть грунта со своего пути.

Светлана никогда до этого не копала землю руками, но, к счастью, земля была влажной и рыхлой. Девочка чуть отползла назад и начала выгребать из-под себя грунт из щели. Это было бы несложно, если бы не кусаки. Она едва начала разбираться с землей, едва уяснила, как ее выгребать на себя, как откидывать в сторону, как снова почувствовала «крючки» на голени правой ноги. Тварь поползла к икре, кажется, ища места, где кожа помягче. Пришлось отвлечься от земли и скинуть эту мерзость с ноги. И сразу снова за дело, снова выгребать землю из-под камня. Она торопилась, ей очень не хотелось, чтобы голос оставил ее. От неловкости и торопливости она ударилась головой о камень, приостановилась, переводя дыхание:

– Я правильно копаю?

– Да, вы продвигаетесь в правильном направлении, но вам нужно поторопиться, мне уже пора уходить.

– Нет-нет, подождите, я копаю, копаю...

Она снова начала выгребать землю, но, видимо, ее активность, а может, запах привлекли внимание подземных существ, или кусак тут попросту было больше. Маленькие колючие твари забирались на нее и куда-то деловито ползли или при первой возможности впивались в руки, в ноги, в пальцы, в любое место, куда могли дотянуться. Это очень осложняло дело. Она протиснулась чуть вперед, стала подгребать под себя землю, чтобы собрать кучу побольше и потом выбросить ее из-под камня, вдруг – резкая боль. В левый мизинец ноги впились жвала кусаки. Пришлось выползти из щели, отрывать гадину от пальца, а она оказалась еще такой большой!

И мизинцу было больно. Светлана от злости, уколов ладонь, раздавила тварь и отшвырнула ее в сторону. И, плача от обиды и боли, снова начала выбирать землю, расширяя проход. И чем дальше копала девочка, тем этих неприятных существ становилось больше. В одном месте, в самом узком, где ее лицо было близко к земле, ловкий кусака запрыгнул ей на плечо и молниеносно перебрался на ухо. Светлана закричала! Быстро поползла обратно, схватила, оторвала эту мерзость от себя и, снова уколов руку, раздавила существо. Девочка всхлипнула, она очень хотела посмотреть на свои руки. Они болели, они были липкими то ли от ее крови, то ли от жидкости из жуков. Ладони исколоты, а некоторые проколы саднили, все-таки это от крови руки были липкими, а еще у нее болело под ногтями – это от земли, которой она уже выгребла немало. И опять кусака пополз по ноге. И опять она услышала голос:

– Если вы рассчитываете на мою помощь, вам следует ускорить продвижение.

Девочке очень хотелось заплакать, но последний год жизни дал ей понять, что слезы почти не помогают делу. Она сорвала с себя кусака и снова полезла в щель под камень.

– Я правильно копаю? – со всхлипом спросила она.

– Да, вы двигаетесь в правильном направлении. Но вам следует торопиться, я уже почти на пределе своих сил. Мне скоро придется покинуть вас.

Ничего другого, чтобы ускорить работу, ей говорить было не нужно.

Девочка уже не обращала внимания ни на боль в ногтях, ни на кусак, которых становилось все больше: она стала выгребать землю из-под камня не хуже настоящего крота. В мизинец левой ноги впился очередной кусака – от испуга, да и от боли, Светлана закричала, бросила работу на пару секунд, вылезла из прохода, оторвала тварь от пальца, отшвырнула в сторону, во мрак, и тут же поползла обратно за новой порцией земли. Ей нужно было во что бы то ни стало покинуть могилу, увидеть свет до того, как голос исчезнет, оставит ее.

Зрячие люди и люди, которые не были погребены, никогда не поймут того ощущения, которое дает свет. Нет, ей не стало вдруг светло, и она не смогла оглядеться, когда выгребла под себя и потом вытолкнула назад очередную порцию сырой и рыхлой земли. Но беспроглядная тьма вдруг сменилась глубокой и мутной серостью. Однако уже это заставило и так часто стучащее сердце забиться еще быстрее.

– Я вижу свет... – произнесла она, – кажется...

– И я слышу вас отчетливее, – донесся все такой же спокойный и чистый голос.

Эти слова заставили ее работать еще быстрее, загребать и вытаскивать землю, копать, копать, копать изо всех сил – слава богу, сил у девочки хватало. Хотя теперь ей, кажется, не хватало воздуха. Она молча расширяла проход под камнем, сопела и работала, ничего не говоря. Девочка уже увеличила отверстие, подумала, что уже может протиснуться туда, полезла, уж больно манил ее свет, которого становилось все больше. Там уже было заметно светлее, свободнее, воздух свежее. Это было глупо, нужно еще убрать земли, но она полезла...

Ползла и застряла. Чуть не закричала, когда подумала, что не сможет отползти назад, но, ободрив спину о камень, смогла вернуться и, плача от злости, продолжила выкапывать из-под камня землю. Пока не убедилась, что сможет пролезть. Надо было убрать еще немного земли, но девочке все-таки удалось протиснуться, проползти под камнем и вылезти в пространство, куда – о чудо! – проникал свет. Он падал сверху, и ей пришлось жмуриться, так как он был ослепителен и бел.

– Я вижу свет, – произнесла она.

Ей бы стоило поблагодарить голос, но не хватило сообразительности. На тот момент она ни о чем больше не хотела думать, кроме как добраться до выхода на поверхность.

– Я рад, что вы близки к тому, к чему стремились. Я еще раз упомяну, что я не желаю навязывать вам свое мнение, тем не менее повторю, что для вас будет лучше, если вы останетесь под землей, вам там будет значительно безопаснее, чем на поверхности. Вам просто нужно дожидаться своего пробуждения там, под грунтом. И все.

– Дождаться пробуждения? Я не понимаю. Я что, сплю?

– Думаю... Да, вы спите. Скорее всего, это вам снится. И если бы вы остались там, ниже нулевого уровня, вы бы просто проснулись и, скорее всего, даже не смогли бы вспомнить то, что с вами произошло во сне. Ну разве что удивлялись бы тем ранам, что обнаружили бы на себе с утра.

– Я ничего не понимаю...

– Признаться, я тоже мало что понимаю в этом, кроме того, что это сон, умерев в котором вы умрете и там... В своем естественном пространстве. Это я знаю наверняка.

Сон! Тем более она не будет тут сидеть. Тут ее просто заедят кусаки, их здесь очень много, очень. Перед ней был подъем, что вел наверх, к свету, и когда ее глаза привыкли, она увидела, как земля на этом подъеме шевелится и иногда в лучах падающего света поблескивают твердые панцири мерзких существ. Да и бог с ними, девочка стала карабкаться вверх, уже не обращая внимания на тварей. Она тут больше не останется, нет, нет и нет!

Ей нужен был свет, просто физически необходим. Почти так же, как и голос. И чтобы услышать его приятное спокойствие, она спрашивала:

– А что мне там может угрожать?

– На поверхности вам может угрожать все, – ответил голос.

– Все? – удивлялась она, карабкаясь по влажному грунту вперемишку с кусаками, которые то и дело пытались вцепиться в ее тело.

– Да, вы лакомый кусок для всего, что тут обитает, вы для всего сущего будете являться самой жизнью. Продолжением ее. Каждый кусочек ваших тканей будет для здешних обитателей каплейкой, что удлиняет их существование.

Светлана уже почти добралась до верха.

– А когда я проснусь... Если меня тут... Если я тут не погибну, я проснусь у себя дома? Живая и здоровая?

– Да, вы проснетесь в том виде, в каком вы будете тут; если вас убьют, вы не проснетесь...

– А не могли бы вы сказать, кто может меня убить? Кого мне бояться больше?

– Все... Все существа, что тут обитают, представляют для вас опасность, не уходите с этого места, оно относительно безопасно; прячьтесь от медуз, старайтесь не шевелиться без надобности, опасайтесь даже жаб, они очень ядовиты. Не производите шума и старайтесь не распространять свой запах, здешние существа реагируют на запахи, тепло и на движения. Если вы дождетесь своего пробуждения, то, скорее всего, вы и не вспомните, что были тут. А если ничто вам не напомнит о пребывании тут, то больше вы сюда, скорее всего, и не попадете. Желаю вам удачи.

– Подождите, подождите, – попросила девочка.

Она карабкалась вверх, к свету, упираясь ногами в рыхлый грунт, и уже почти вылезла на поверхность: осталась лишь пара метров, ей очень хотелось, чтобы голос побыл еще хоть немного. Еще хоть чуть-чуть. Но голос сказал, как ей показалось, с сожалением:

– Нет, боюсь, что это невозможно, дальнейшее мое пребывание с вами может обернуться для меня гибелью. Я уже и так здесь задержался.

И все. Ни хлопка, ни прощания. Голоса она больше не слышала.

Глава 3

Девочка торопилась и наконец вылезла из-под земли, из-под камня, она отряхивала руки и колени от прилипшего грунта, шурилась, оглядывалась по сторонам. И почти ничего не видела. Все вокруг заливал тяжелый и плотный туман. Кажется, пока ей ничего не угрожало, она так и стояла у большого камня, который на поверку оказался куском кирпичной стены с облупившейся штукатуркой. Руки болели, от ладоней и до локтей они были исколоты, изрезаны, грязны. Впрочем, как и ноги. А ее белье выглядело ужасно: оно и так не было новым, а тут и вовсе... Растянувшаяся, сырая, ветхая и грязная рванина... Хоть выбрасывай. А еще болело под ногтями. Все-таки немало земли ей пришлось выгребсти и переместить. Но с этой болью можно смириться. Девочка стала приходить в себя.

Теперь, когда ужас пребывания под землей отступил, она почувствовала себя лучше. Можно сказать, что девочка почти не устала. Светлана с шестого класса, то есть уже более четырех лет, занималась спортом и фактически выполнила норматив на кандидата в мастера. Тренировалась она теперь редко, но на десяти тысячах метрах все еще легко выбегала из тридцати шести минут. Просто не успела показать этот результат на соревнованиях для официального получения звания. В общем, сил у нее еще было предостаточно. Она стала смотреть по сторонам.

Все тот же густой туман, и был он таким плотным, что уже через пять или семь шагов ничего не было видно. Кирпичные обломки, сырая, серая земля и сплошной туман. Ну, еще справа от нее какое-то растение, почти без листвы – не то низкое дерево, не то куст с мощным стволом. Еще одно деревце, невысокое, прямое, вывороченное с корнями, валялось рядом с той щелью, из которой она вылезла. Да, а голос-то был прав, когда отговаривал ее вылезать на поверхность. Место это вообще не казалось приветливым. Туман был серым и густым, с явным оттенком нездоровой желтизны – этот рыхлый, почти осязаемый туман, кажется, придавал воздуху неприятный, но знакомый привкус. Она не могла распознать его. Но он точно ей не нравился. А еще тут были звуки. Глухие, как через вату доносились до нее, нехорошие, резкие. Сначала птичий залиvistый клекот. Но неестественно низкий и какой-то озлобленный. Эхом ему вторили щелчки, даже через этот туман казавшиеся четкими. И тут же визг, высокий, короткий, захлебывающийся... А потом снова клекот и уханье... Все это прозвучало быстро, закончилось за пять секунд. Звуки показались девочке весьма красноречивыми и неприятными.

Теперь уже и обломки кирпичной стены, что были для нее ненавистным камнем под землей, вдруг стали походять на убежище, к которому захотелось прислониться. А может, и вновь забраться под него, чтобы укрыться от тех, кто издавал такие звуки.

И лишь наличие десятков колючих и свирепых кусак, там, внизу, в щели под камнем, отталкивало ее от мысли вернуться в сырое убежище. Она пока лишь присела возле камня на корточки. Стала прислушиваться дальше. Голос рекомендовал ей скрываться, меньше двигаться и не источать запахов. Да, судя по тем звукам, что доносились до ушей Светланы, нужно было придерживаться его рекомендаций.

Это хорошо, что там, во тьме, она не могла разглядеть кусак. Она бы там перепугалась еще больше. Черная и блестящая тварь в указательный палец длиной ползла по стене. Конус живота из сегментов, как у большого таракана. Мощные щипцы жвал, гадина даже на вид прочная. И длинные, суставчатые, крепкие лапы-крючки. Никаких шипов, никаких усов. Наверное, Света исколола руки об их мерзкие и жесткие ноги. И вот что еще удивило...

Не то чтобы она очень хорошо училась. После того как у нее стало получаться с бегом, с учебой начались проблемы, но даже имея тройку по биологии, она помнила, что у всяких мелких тварей бывает либо шесть ног, либо восемь. У кусаки, что полз по кирпичам, ног всего четыре. Страшила непонятная. У девочки холодок пробежал меж лопаток, ее даже передернуло, когда она представила, что вот такие же гадости ползали по ней и пытались своими страшными, острыми кусачками прогрызть ей кожу. И опять лезть под камень, в щель, к этим колючим мерзостям, Светлана совсем не хотела.

Никто ей этого не советовал, как-то само все получилось – она, чуть наклонившись, подтянула к себе деревце и стала обламывать с него ветки. Древесина была сырой, влажной, ветки не ломались, их приходилось откручивать, обрывая гибкую кору. Но девочка не сдавалась и даже ускоряла процесс по мере того, как слышала новые неприятные звуки. Услышав новое ужасное уханье, похожее на насмешку, девочка замирала, боясь произвести хоть какой-нибудь шум. Тем не менее ей удалось через некоторое время добраться до корней деревца. Как это ни странно, но от корней она избавилась быстрее, чем от веток. У нее вышел крепкий, сучковатый полутораметровый хлыст, посох в пять сантиметров в основании и два на конце. Гибкий, увесистый и достаточно прямой. Пока Светлана занималась палкой и поглядывала по сторонам, оборачиваясь на каждый неприятный звук, стало заметно теплее. Даже через плотный, как старая вата, туман в небе забелело солнце. А с солнцем появился и ветерок. Сначала он был легкий, едва пробивался через серые клубы, но когда ее палка была готова, девочка с ужасом стала замечать, что ветерок все увереннее закручивает туман в небольшие вихри, закручивает и уносит, словно выдувая туман отовсюду.

– Ой нет, – тихо сказала девочка, вдруг поняв, что видит уже значительно дальше вокруг себя, чем несколько минут назад. Воздух стал прозрачнее. Это было очевидно, а значит... значит, и ее могли увидеть... Те, кто только что кричал в тумане. Снова Света подумала о том, что для нее и вправду будет безопаснее под камнем. А кусаки... ну, придется с ними что-то делать. Ничего, она потерпит, какие-то мерзкие тараканы вряд ли ее съедят. Конечно, ей очень не хотелось туда лезть... Она перевела взгляд на ту щель, откуда вылезла, и... тут же переменила свое решение. Она действительно не очень хорошо знала биологию, так как не смогла определить то существо, что выползло из-под камня. Это был огромный червяк насыщенного цвета вареной сгущенки. Он был толщиной с ее руку – да нет же, еще жирнее, и конец его еще не выполз наружу. По бокам существа, вдоль тела, шевелились тысячи, как казалось девочке, желтых крючкообразных ножек, с острыми, как иглы, окончаниями, а на голове красовались настоящие клещи, острые и страшные. Червяк приподнял свою переднюю часть и развернул клещи к Светлане. Глаз его она не видела, но была уверена, что тварь смотрит именно на нее. Смотрит и оценивает. А пока эта тварь смотрела на девочку, вдоль приподнятой части ее тела шевелились, как бахрома, отвратительные ноги, шевелились плавно, волнообразно, красиво, чуть замирающе. Светлана даже засмотрелась на эту бесконечную волну, но опомнилась и... Вообще-то надо было убегать, не смог бы этот червяк ее догнать, но голос сказал, что у

этого камня не так опасно, и голосу девочка доверяла. А значит... Света чуть привстала и подняла палку над головой, держа ее за толстый конец двумя руками:

– Даже не думай ко мне лезть... Не лезь ко мне... Стой!

Она сказала это очень тихо, и червяк ее, кажется, не расслышал. Он с неожиданным проворством метнулся к ней, болтаясь из стороны в сторону зигзагом, словно еще раздумывая, откуда на девочку напасть. А она вскрикнула:

– Стой! А-а...

И с силой опустила палку. Никто не учил ее использовать подобное оружие, никогда в жизни она этого не делала, она же не мальчишка. Светлана так, для интереса, на тренировках пробовала себя в метании диска, копья и молота. Девочки из силовых видов даже чуть-чуть учили ее, но это был всего-навсего детский интерес. Поэтому никакого опыта работы с палкой у нее не имелось. Палка от удара спружинила и выскользнула из пальцев. Слава богу, перед тем как выскользнуть, орудие звонко чавкнуло по юркой твари. Прямо по передней ее части. Червяк едва не завязался в узел, обнажив противное брюхо, быстро скрутился в пружину, тут же разжался и со всем своим проворством кинулся в щель под камень. Девочка, боясь, что это чудовище может вернуться и снова кинуться к ней, присела и, не отрывая глаз от черного лаза под камнем, стараясь держаться от него как можно дальше, дотянулась до палки и притянула ее к себе. С палкой было спокойнее... Да уж, кажется, голос ошибся: там, под землей, Света, наверное, умерла бы от ужаса, доведись ей в полной темноте встретиться с этим червяком. Теперь уже никакой речи о том, чтобы спрятаться под камнем, не могло и быть. Никогда! Ни за что! Табу! И лучше уйти отсюда, вдруг червяк вернется, или какой-нибудь его родственник вылезет. Надо было, конечно, уходить. Куда? Девочка подняла глаза и... Туман рассеялся, и над головой ее было бездонное небо, такое синее, что, кажется, подобного она не видела даже в Турции, где отдыхала с родителями пару лет назад. И солнце было в том небе ослепительно-белое, жаркое, совсем не северное, не петербургское. Но не солнце и не небо поразили Светлану: ее удивило и испугало другое завораживающее зрелище. Она видела, как в синем небе летали, вернее, парили удивительные создания. Сначала она подумала, что это воздушные шары, в Петербурге в прошлом году как раз был фестиваль воздухоплавания, тогда более десятка шаров одновременно поднялись в небо. Вот и это зрелище немного напоминало тот фестиваль. Ей так показалось поначалу. Но тут же она поняла, что это не шары, совсем не шары.

В небе мимо девочки, метрах в ста, проплывала... медуза. Настоящая, совсем как на картинках, что Света как-то видела в интернете. Огромная, как воздушный шар, только плоская, розово-фиолетово-лиловая, с красивой бахромой по периметру огромного тела, с длинными лиловыми жгутами-щупальцами, свисавшими почти до земли, она проплывала, гонимая ветерком, казалась почти невесомой при всей своей величине. Медуза была очень красива. А за ней плыла еще одна и еще. Всего Светлана насчитала в небе шесть этих завораживающе красивых и величественных созданий. Они медленно улетали от нее вдаль. И слава богу. Девочка вспомнила, что голос, кажется, упоминал их, когда говорил об опасностях, ожидающих ее на поверхности. Он так и советовал ей: «Прячьтесь от медуз». Да, они медленно улетали в сторону. Светлана стала осматриваться. Сначала еще раз щель под камнем, не торчит ли голова мерзкого червяка, а уж потом, убедившись, что червяка нет, посмотрела в небо. Нет, медузы исчезли. Вдруг она поняла, что окружена обломками зданий, некогда крепких, с толстыми стенами и большими окнами. В паре сотен метров от нее высился целый каркас мертвого, пустого дома, от которого, впрочем, осталась лишь пара стен, до второго этажа, проем входа, парадная с бетонной ступенькой, но без дверей, да пустые глазницы окон. О! Поребрик! Непонятно почему Светлана даже обрадовалась. Да, это был бетонный поребрик, почти засыпанный землей. Значит, тут была проезжая часть, улица, движение, светофоры. Только теперь девочка поняла, что камень, из-под которого она выбралась, оказался углом развалившегося

дома, с мощными стенами из красного кирпича и толстым слоем штукатурки. У нее не осталось сомнений, что это место когда-то было городом. Городом? Каким? Нет, это не Петербург. В Петербурге быть не может такого солнца. Здешнее солнце яркое, жгучее, похожее на южное. Тени тут почти черные, очень контрастные, резкие. Нет, это не Петербург. Солнце яркое, в воздухе большая влажность, много зеленой травы и удивительные серо-зеленые лужайки. Скорее даже лужайки были серебряные, с оттенком зелени. Здесь даже... красиво? Да, места вокруг – может, из-за такого синего неба, может, из-за серебряных лужаек – были красивы, ну, во всяком случае, необычны.

Светлана не могла оторвать взгляда от этой красочной местности. Каменные руины, холмы, покрытые зеленью, серебряные лужайки, все это залито ярким, белым солнечным светом, и очень мало вокруг деревьев и кустарника. Да, несомненно, все ей снится. Нигде больше, даже в южных странах, где она бывала с родителями на отдыхе, девочка не видела ничего более яркого и насыщенного светом. Ей даже становилось жарко. Она забыла о червяке под камнем, так увлекли ее виды вокруг. Может, поэтому Света вздрогнула, когда большая птица, громко хлопая крыльями, сорвалась с места недалеко от Светланы и понеслась прочь, зло и обиженно крича. И не успел испуг девочки улечься, как опять же рядом, может быть, сразу за камнем, раздался гортанный клекот, который она уже слышала. И на сей раз клекот, как показалось, имел оттенки раздражения. Она резко повернулась на звук и обомлела: на камне, на ее камне, чуть выше в пяти-шести метрах от нее, сидел на корточках голый старый мужчина. Именно он, запрокинув голову, странно и неприятно дергал горлом, заросшим седой, почти белой щетиной, и издавал эти резкие, неприятные звуки. Он казался тощим, но узловатые суставы, широкие плечи и крепкий костяк говорили о том, что старик, скорее всего, еще весьма силен. Он сидел на самом высоком выступе камня на корточках, и его мошонка касалась камня. Светлана так растерялась от крика и от его внезапного появления, что не успела скрыться, убежать. Она замерла в оцепенении. А старик, закончив орать, опустил голову и уставился на девочку. Уставился. Но... в глазах его не было зрачков. Да, не было. Лишь желтые бельма. Света, как парализованная, стояла и не могла пошевелиться, не могла убежать, может, думала, что он ее такими глазами не видит? А ведь если бы она побежала, он бы ее точно не догнал, но она лишь сжала свою нелепую палку так, что костяшки пальцев побелели. Ей очень хотелось закричать или снова позвать маму. И лишь парализующий страх не позволял этого сделать. А это существо не торопилось двигаться. Оно разинуло рот – челюсти большие, разеваются широко, а в пасти мощные желтые зубы. Кажется, мерзкий дедок не видел Свету. Смотрел на нее в упор и не видел. Только дышал часто своим страшным ртом. А потом он рот закрыл. И на том месте, где у людей нос, девочка увидела треугольное отверстие. Светлана даже разглядела внутри отверстия пазухи, они были лиловые, насыщенные кровью. А старик стал делать через эту дыру резкие вздохи. Один, другой, третий... Втянет воздух – чуть повернет голову, еще втянет воздух – еще повернет. Ищет источник запаха. А потом развернет в ее сторону свое ухо, заросшее серой шерстью, сначала нюхает, потом еще и слушает. Слепой явно подозревал, что рядом есть кто-то. А Светлана все так же завороченно смотрела на него, боясь пошевелиться.

Этот... Это существо, так ничего и не расслышав, снова начинает нюхать и после спускается чуть ниже с камня, всего на полметра, но еще ближе к девочке и снова начинает принюхиваться.

«Старайтесь не распространять свой запах», – вспоминает девочка наставления голоса. Ага, и как же это сделать? Голос ей этого не сказал. Солнце жарит так, что недавно еще влажные трусы и майка на Светлане уже совсем высохли, испарина покрывает ей и спину, и лицо, а уж про подмышки с промежностью и говорить нечего. Старик чувствует запах девочки, он начинает спускаться с камня, он точно выбрал направление. Слепой очень ловок, движения его вовсе не старческие, на самом деле он силен, он крупнее девочки раза в два, его слепые желтые глаза смотрят на нее. Не видят, но смотрят. Он знает, что она тут. Девочка поднимает

палку над головой, но палка... Да ничего она ему не сделает, ни одну его мощную кость такой палкой не сломать... Бежать! Или ударить? Или ударить и бежать...

У нее в жизни никогда не было подобных ситуаций, другие страшные – да, но таких никогда. Ужас вперемешку с напряжением буквально парализует девочку, а до мерзкого старика пять метров... Вот он уже рядом, его крепкие, костистые, заросшие серыми волосами плечи. Три, два метра... Фу... Мерзкий треугольник носа, пустая черная дыра в обрамлении седой щетины – от одного вида тошнит...

«Мама, Господи! Какие страшные у него ногти! Ими кожу можно содрать!»

Ей нужно взять себя в руки, надо бить его... Или бежать. Она сжала палку, замахнулась, закричала и...

Глава 4

– Света-а... Света-а-а... Мы проспали, вставай, мы проспали! – Ее трясут за плечо, и она знает, кто это. – Света-а... Мы на завтрак опоздаем!

Это Колька, один из братьев-близнецов. Но его слова еще не дошли до нее, она их слышит, но не в состоянии реагировать.

– Еще говори, – слышит она голосок второго брата, Макса, – буди ее, скажи, что она в школу опоздает.

Макс всегда руководит Колькой, Максимка тихий, Коля понаглее.

– Света-а-а... – Колька трясет ее изо всех сил.

– Я не сплю... – Она поворачивается к ним. Сознание возвращается, но девочке нужно еще немного времени, чтобы прийти в себя. У нее каждое утро так. Она всегда встает с трудом. Ей всегда хочется поваляться под теплым одеялом.

– Ой, Света... У тебя бровь! – кричит Коля и лезет пальцем к ее лицу.

– Ты ударилась? – негромко спрашивает Максим.

Светлана перехватывает руку брата у своего лица.

– Света-а-а... А что у тебя с рукой? – снова удивляется Коля. – Она вся исцарапана.

– У Даши Пивоваровой из нашей группы так же все руки исцарапаны, у нее кот злой, – замечает Макс.

Света смотрит на левую руку, она вся в порезах и чуть вспухших проколах: кусаки, сволочи.

– Что это, Света? – спрашивает Максим. – Где ты изрезала руку?

И Коле интересно, что произошло с ее рукой, они стоят возле кровати и смотрят на сестру внимательно.

– Идите умываться, – говорит она. Ей не хочется вставать при них. – Надо спешить.

– Мы уже умылись! – кричит Колька. – Давно. Когда будильник прозвенел еще.

– И зубы уже почистили. Давно, – добавляет Макс.

– Одевайтесь тогда, быстрее, – строго говорит Светлана и вылезает из-под одеяла.

Мальчишки отворачиваются, а она, пока они не видят ее трусов и майки, выскакивает из комнаты и бежит в ванную, на ходу прихватив из кладовки чистую пару белья. Там, у зеркала, девочка замирает: левая бровь... на ней запеклась кровь. Теперь она еще рассмотрела и руки. Их точно кошка подрала. Все в порезах от ладоней до локтей. Она начинает мыть их, стараясь вычистить грязь из-под ногтей. И опять смотрит на себя в зеркало. На правой стороне лба темное пятно. Попыталась его смыть – больно. Это не пятно, а синяк. Ноги тоже в порезах и ссадинах, особенно колени. Она лезет в ванну, гибким надломанным душем быстро смывает с себя что может, не вытираясь снова к зеркалу, чистит зубы. Сразу вытирается, натягивает

треники и олимпийку. Самое удивительное, что за время утренних процедур девочка так и не смогла толком вспомнить, что ей снилось. Подземелье, жуки, старики с противными мошонками. Расплывающиеся образы, неясные тени, кажется, голос какой-то. Порезы и ссадины на теле, грязное белье на полу возле ванны – об этом она не раздумывала, ни времени, ни желания у нее не было. А если честно, ей не хотелось все это вспоминать. Уж очень в том сне все было неприятно и... Натурально.

Света вышла из ванной, сушиться не стала – на улице еще не холодно, быстро прошла в прихожую: во-первых, торопилась, а во-вторых, не хотела встречаться с сиделкой мамы. Мальчишки уже обувались, они молодцы, самостоятельные, мальчишкам только шестой год, но они почти все могут делать сами.

Им только нужно напоминать.

Она быстро надела старенькие беговые кроссовки «Найк», они самые целые из всей ее обуви, проверила ключи от двери – в кармане. Отворила дверь:

– Выходите.

Колька играет с обувной ложкой, представляя ее мечом или саблей.

– Коля, не балуйся, выходи давай.

Девочка отбирает у него ложку, вешает ее на вешалку и выталкивает братьев за дверь.

– Пошли быстрее, а то опоздаете на завтрак.

Но она не успевает выйти.

– Света!

Это Иванова – одна из маминых сиделок. Она стоит в коридоре, как всегда, недовольная.

– Доброе утро, Ольга Александровна, – говорит Светлана.

– Ты там не задерживайся нигде, мне нужно уйти вовремя, – сухо отвечает сиделка и скрывается в маминой комнате, даже не дождавшись ответа девочки.

Света выходит на улицу немного раздраженная. Иванова грубая, всегда обиженная, девочке иногда хочется сказать ей что-нибудь в таком же тоне, но этого делать нельзя. Папа просил не ссориться с ней. Она может уйти в любую минуту, а другую сиделку с опытом за двести двадцать рублей в час в Петербурге сейчас просто не найти. Он и так едва уговорил ее поработать за эту цену до ноября. До ноября. То есть полтора месяца, а там придется либо платить ей больше, либо искать новую.

Светлана догнала мальчишек, они уже свернули в арку, братья сами знали, куда идти. Семьдесят пятый детсад совсем недалеко, лишь пройти по диагонали большую детскую площадку, и за ней был такой же дом, как тот, в котором жила Света. Можно было бы позволить братьям самим ходить в садик, но папа просил провожать их. Света не возражала. Ей не в тягость.

– Света-а... – начал Колька, и она уже знала, о чем пойдет речь. Она иногда их забирала раньше, но это лишь тогда, когда дома был ужин.

– Нет, – сразу ответила девочка. – До ужина я вас забирать не буду.

Братья, как и все дети, не любили свой садик, они еще немного поканючили, но, видя, что у старшей сестры сейчас не то настроение, смирились. Дальше шли, уже общаясь между собой. В садике многих мам Света уже знала, здоровалась с ними. У Макса на рубашке манжеты совсем обтрепались, да и одежда уже ему мала. У Коли дела с одеждой обстояли не лучше. Кажется, одна из мамаш обратила на рукава Максима внимание, когда тот обрывал с них нитки, Света перехватила ее взгляд, и та отвела глаза. Девочка и сама все знала. Дома вокруг парка Победы – сталинские, престижные, бедных тут нет, Колька и Макс в группе одеты хуже всех. Это сразу бросалось в глаза. Мальчишки меж тем переоделись и убежали в группу, с ней не попрощавшись. Света убрала их одежду в шкафчики, спрятала туда же их уличную обувь и ушла. У нее еще были дела. Прежде чем вернуться домой, ей нужно купить еды на завтрак себе и папе, он должен был скоро прийти со смены.

Иванова ее уже ждала. Уже собралась. Стояла все с той же недовольной миной на лице и рассказывала:

– Судороги были, рвотных спазмов нет, давление под утро ушло за сто шестьдесят, я сбила. Переворачивала ее два часа назад, еще часа полтора так может полежать, приемники я опорожнила, помыла. Полость рта обработала, нос тоже. Промежность и подмышки обработала, но завтра ее нужно будет мыть полностью.

– Мы с папой сегодня помоем, – отвечает Света. – У него сегодня свободный день.

Иванова подходит к прикроватной тумбочке, на которой лежат все мамины лекарства, стучит пальцем по большой упаковке с ампулами:

– Три ампулы осталось.

Светлана кивает, лекарство дорогое, двенадцать ампул – две тысячи шестьсот рублей. А упаковки не хватает и на месяц. Вообще-то все лекарства для мамы они получают бесплатно, по федеральной программе, но лекарства расходуются быстрее, чем положено, их приходится докупать за свои. На это уходит много денег. Почти столько же, сколько и на сиделок. Они с папой уже не раз садились считать деньги, ища способ сэкономить хоть чуть-чуть, но им уже не на чем экономить. Двух пенсий, маминой и папиной, и того, что папа зарабатывает, работая на двух работах, не хватает. Когда маму перевозили из больницы, пришлось взять кредит, чтобы купить медицинскую кровать. Кровать купили через объявление, хорошую и недорогую, а вот матрас от пролежней пришлось брать новый, дорогой, швейцарский. Ко всему этому еще пришлось купить аппаратуру контроля за состоянием больного. Целая стойка приборов, которые все время урчали и тратили море электричества. Покупали их тоже с рук. Папа сразу понял, что аппаратура не очень хорошая. Называл ее китайским барахлом. Эти приборчики папиным словам соответствовали. Барахлили. К ним часто приходилось вызывать мастера. Но сейчас все работало, пульс, дыхание, давление, температура мамы были в норме, если температуру в тридцать шесть и один, а пульс в пятьдесят восемь можно считать нормой. Ольга Александровна на приборы сегодня не жаловалась. Она и девочка стояли возле кровати.

Ивановой Светлана годится во внучки, эта крепкая и недобрая женщина считала, что папа пользуется своим тяжелым положением, ее добротой, чтобы недоплачивать ей. Она обещала уйти и дала папе время найти другую сиделку.

Ее губы либо вытянуты в нитку, либо их уголки опущены вниз. Всякий раз, как только это возможно, она демонстрирует Светлане свое неудовольствие. И все время считает дни, когда истечет их с папой договор. Сейчас же она, больше не сказав девочке ни слова, не попрощавшись, поворачивается и выходит из комнаты. В прихожей хлопает дверь. Ушла. Светлана подходит к кровати матери.

Мама все еще красива, только кожа чуть желтая. Но Света к этому привыкла, привыкла и к тому, что мама похудела, к тому, что кожа у нее всегда прохладная. Поначалу, когда с головы мамы сняли повязки, Света испытывала ужас от того, что видела. Девочка не могла смотреть на левую часть головы матери, ту часть за виском и над ухом, что была смята и где кожа стянута грубыми толстыми нитками и вымазана какой-то мазью. Но теперь там снова отросли волосы, росли они клоками, были редкими, но если не приглядываться, то вмятина на голове уже не бросалась в глаза. Светлана заметила, как у мамы под веками движутся зрачки. Нет, Свете не показалось. Она была уверена, что видит это. А еще она здоровалась с мамой. Брала ее правую руку, сжимала и говорила:

– Мама, это я.

Мама всегда узнавала свою дочь и едва-едва заметно отвечала рукопожатием. Вот как и сейчас. Ни папа, ни кто другой маминого рукопожатия не чувствовали и смотрели на Светлану, как на выдумщицу, но девочка точно знала, что мама ей отвечала, просто мама отвечала только ей.

О! Снова зрачки под веками дернулись. Врач говорил, что это хороший признак. Светлана очень злилась на братьев. Тумаками и подзатыльниками загоняла их в мамину комнату, чтобы они хоть иногда навещали ее. Она не могла понять, почему мальчишки почти никогда сами не заходят туда, не говорят с мамой, не прикасаются к ней. Папа объяснял, что они почти ее не помнят, уже второй год пошел, как это произошло. Им тогда было чуть больше четырех лет. Но это объяснение девочку не удовлетворяло, она гнала мальчишек к маме, пусть хотя бы поздороваются с ней. И не дай им бог не послушаться ее. Света, конечно, их любила, но могла быть и строгой. Братья это знали.

Глава 5

Папа пришел, она слышит, как открывается дверь, слышит, как он садится на табурет в прихожей, ставит к стене костыли, разувается.

Он работает в охране крупного сетевого супермаркета, работает сутки через двое. После ДТП папу взял туда его товарищ, Леня Карповский, они служили в одном батальоне. Пришли в батальон вместе из училища взводными, дослужились до ротных и почти одновременно ушли. Теперь Карповский взял однополчанина в охрану, и папа был ему очень благодарен, на «кассах» он не стоял, он бы не смог, у него сильно повреждены обе ноги. Папа «сидел на мониторах», следил за тем, что творится в торговых залах. С этим он справлялся. Он был внимательным и ответственным человеком, и поэтому, а может, и потому, что был товарищем Карповского, работал начальником смены. Папа получал тридцать шесть тысяч рублей за десять дежурств.

Девочка выходит из комнаты встретить отца, он уже разулся, берет костыли, встает:

– Привет, ну как вы тут? – Он обнимает Свету, не выпуская костыли из рук, прижимает ее к своей колючей щеке.

– Нормально, па... – отвечает девочка. – Приборы ночью не барахлили, с мамой все стабильно, мальчишки в садике, Иванова кислая... Все как всегда, па...

Папа садится в кресло рядом с маминой кроватью, тут же прислоняет к стене свои костыли, Светлана идет на кухню за водой. У них уже ритуал. Папа всегда, приходя со смены, пьет свои таблетки, сидя у маминой кровати. Света всегда приносит ему воду. Отец берет стакан и одну за другой выпивает две таблетки.

– Ты есть не хочешь? – спрашивает девочка. – Я купила сосиски, яйца и доширак.

Она спросила на всякий случай, папа почти всегда приходил с работы сытый, иногда даже приносил просрочку – колбасу или какие-нибудь обалденно вкусные творожки или йогурты, которые она никогда бы не стала покупать из-за их дороговизны. Папа смотрит на нее, чуть удивляется:

– Света, а что у тебя с бровью?

– Ничего... – Светлана машет головой, не говорить же отцу, что это она во сне ударилась, тем более она сама этого не помнит. – Ерунда, так ты есть будешь? Яичницу?

– Спасибо, дочка, не буду. На работе девки накормили.

«Девки!» Девками он зовет продавщиц, что работают в магазине. Отец не догадывается, но Светлане очень не нравится, что какие-то «девки» его там подкармливают. Она не понимает, зачем взрослые, даже старые, на ее взгляд, женщины делятся обедами или просрочкой с ее отцом.

– У тебя деньги еще остались? – спрашивает он, отрывая девочку от неприятных мыслей.

– Тысяча двести шестьдесят семь рублей, – сразу отвечает она. Света последнее время в любой час дня и ночи может точно сказать, сколько у нее денег. Выходя час назад из магазина, она их пересчитала.

– Слушай, Светик, а сможем мы дотянуть до понедельника на твои тысяча двести шестьдесят семь рублей? – спрашивает отец. – У меня в понедельник пенсия.

Света о ней помнит. Они называют ее «армейкой». Это хорошая армейская пенсия, двадцать восемь тысяч триста шестьдесят рублей.

– Протянем? Так, чтобы ни у кого не занимать, – продолжает папа.

Света молча подходит к тумбочке с лекарствами, берет большую коробку, открывает ее и показывает папе. Там всего три ампулы. Может так быть, что это лекарство вообще маме не понадобится несколько дней, а может так случиться, что будет нужно ежедневно.

Оно необходимо при падении ЧСС и падении температуры тела.

Следующую бесплатную коробку они получают только в начале октября. Папа все понимает, лезет в карман за сигаретами.

Нет, он тут, конечно, не закурит, просто будет держать сигарету в пальцах. И думать, где бы занять до получки денег. Но вариантов немного. Будет просить у Карповского. Опять до пенсии. В сотый, наверное, раз.

– Ладно, Света, иди в школу.

Света уже опоздала на первый урок, ей не очень хочется идти туда.

– Может, я посижу с мамой, а ты поспишь? – говорит она. С мамой нужно быть все время рядом, только за лето у нее два раза западал язык, что останавливало дыхание, и еще два раза падало давление до пятидесяти. Девочка знает, что нужно делать в таких случаях.

– Не надо, я на работе подремал, – отвечает папа.

– Па, у нас половина не ходит, мелким так вообще разрешили не учиться, – говорит Светлана. – Эпидемия же.

– Иди, иди, – настаивает отец. – Не нужно прогуливать.

Он упрямый человек, очень хочет, чтобы она училась, видит же, как обстоят дела, и все равно гонит ее в школу, а еще две недели назад говорил с ней о поступлении в Лесгафта. Девочка об этом, конечно, только мечтать может, в этом году она ни разу не делала уроки. Да и в прошлом почти не делала, скатилась на двойки. Она подумывает о том, что как только исполнится шестнадцать, а это уже через два месяца, ей придется искать работу... Какая тут школа.

– Ладно, папа, – говорит Светлана, идет в свою комнату и поднимает с пола у кровати почти невесомый рюкзак. Учебников там нет, всего две тетради да пенал со старыми, изгрызенными ручками. Заглядывает в комнату. – Я пошла.

– Иди. – Отец делает рукой знак, которым еще до беды подбадривал дочь на соревнованиях. В те далекие и счастливые времена, когда она еще выступала.

Пахом. Он вымахал до метра восьмидесяти семи. Он самый высокий в их классе. Света тоже не маленькая, но Пахом выше нее почти на голову. Нога у него каких-то нечеловеческих размеров, любящая мамаша покупает ему дорогие кроссовки размера, наверное, сорок шестого. Этого лося его мамочка зовет Владик. Владик! А этот Владик, как говорят в школе, конченный... Он и в школе ведет себя как урод, и во дворе. Он всегда был выше и сильнее других, кулаки распускал – не стеснялся. А теперь его даже ребята из одиннадцатых классов побаиваются. Света не заметила его: он жил в соседнем доме, парадная прямо напротив детской площадки, через которую девочка шла к улице Фрунзе. Пахом стоял с двумя мальчиками помладше. Как она могла его не заметить?!

«Урод, тоже не пошел на первый урок!»

И конечно же, он ее видит, ну а как иначе? Молодой человек сразу кричит довольно грубо:

– Э, Фома... Здорова! – Это он ей. И тут же поясняет двум своим приятелям: – Эта стремная со мной в одном классе учится.

Мальчики смотрят на нее, ухмыляются, знают, что Пахом этим не ограничится, ждут продолжения. Света тоже это знает, даже не поворачивает головы, быстро проходит мимо, хотя понимает, что одной фразой их общение не закончится.

– Фома, а ты че лифчик надела, а сиськи че, забыла надеть? – орет Пахомов на всю улицу.

Он сам и два пацана, что стоят с ним, смеются. У Пахома все шуточки такие. Урод, он всегда таким был. Светлана ускоряет шаг, ничего не отвечает, но прекрасно слышит следующее пояснение о себе:

– Пипец она криповая, все время ходит в трениках, кроссы все рваные. На уроках тупит конкретно. Она спортсменка отбитая.

Зачем он все это говорит тем двум пацанам? Вот зачем? Они из другой школы, какая им разница, какое им до нее дело. Пахом просто урод. Просто урод!

Свете слышать такое было неприятно. Очень неприятно. Это даже не ей был укор, а ее папе. А за папу девочке было очень обидно, ведь этот дурак ничего не знает про их беду. Да, у нее нет сейчас приличной одежды, но раньше, до беды, когда папа хорошо зарабатывал, у нее все было: навалом самой классной одежды, телефоны почти последних моделей. Папа покупал маме новую модель, а Светке доставался все еще дорогой мамин телефон. И она запросто могла им похвастаться. И все девочки в классе с ней дружили. Да и грудь у нее нормальная, ну, не такая, конечно, как у Лизы Марфиной, но есть, причем правильной формы и симметричная. Девочки из класса это замечали. Света лифчики как раз не носила. У нее был один хороший для спорта, она его берегла. А из остальных Светлана за последние полгода выросла. К тому же у нее самые длинные ноги в классе. И у нее нет жира. И она самая быстрая девочка в школе. Но этому дебилу разве что-то объяснишь? Нет, не объяснишь, он же Пахомов. Он всегда был придурком. Светлана лишь прибавляет шаг. Но Пахом не отстает, орет на всю детскую площадку:

– Фома... Ты в школу? Фомина, погоди, я с тобой пойду.

Нет, он точно дебил. Света после тупых шуточек даже видеть его не хочет. Она пошла еще быстрее.

– Да погоди ты! – орет он и идет за ней.

Ей даже оборачиваться не нужно, чтобы понять, что он не отстает. И девочка идет еще быстрее, едва не переходя на бег.

«Ну, недоумок, догонишь?»

Она уже проскочила мягкое покрытие детской площадки и услышала, как бухают его огромные ноги сорок шестого размера по асфальту. Бежит за ней. Сейчас девочка просто ненавидела этого уroda, она даже близко не хотела быть с ним, тем более идти рядом. Светлана легко переходит на бег.

– Фома... Стой! Ты че, больная, что ли? – орет Пахом.

Света не останавливается. Она еще прибавляет шагу, она еще много может прибавить, если понадобится; девочка чуть оборачивается, Пахомов не отстает:

– Фома, ты больная?

Но Света его не слушает, она уже выскочила на улицу Фрунзе и легко, как на разминке, побежала к Московскому проспекту. К площади Стругацких, на красный свет перебежав светофор. Урод отстал. Когда, пробежав метров двести, девочка повернулась, Пахома нигде не было. Она перешла на быстрый шаг. Ну, хоть так она ему ответила на сегодняшние оскорбления. Впрочем, Света была удивлена, Пахом до сих пор ни разу не предлагал ей идти в школу вместе. Да нет. Скорее всего он хотел отколоть еще какой-то номер перед теми двумя маль-

чишками. Вот и кричал ей, а когда она пошла дальше, а не остановилась по его просьбе, это Пахома разозлило, поэтому он и побежал за ней. Но Света быстро о нем забыла, другие мысли, привычные и тяжелые, сразу завладели ею.

Она думала, что пойдет после школы в приход и там поест, так сэкономит продукты, а братья поужинают в садике, папа поест на работе, он сегодня пойдет в ночь на вторую работу, там можно подкормиться. В общем, ей только нужно будет поужинать и купить пару булок с молоком Кольке и Максу. И на завтра еще останутся яйца и сосиски с хлебом. Папа же на обед съест доширак, десяток яиц и пачку сосисок. В общем, все хорошо, и сегодня денег больше тратить будет не нужно. Тысяча двести шестьдесят семь рублей переходят на завтрашний день. Можно считать, что еще один день до папиной пенсии они прожили.

Она остановилась на светофоре на большом перекрестке Московского проспекта и улицы Фрунзе. Светофор тут долгий, по проспекту катят и катят машины непрерывающимся потоком, а девочка все думала, как растянуть на шесть дней оставшиеся деньги.

И тут слышится адский топот огромных ног, зверский смех, такой дикий, что все стоящие на светофоре люди стали оборачиваться, и кто-то сильно дергает Светлану за рюкзак.

– А-а... – орет Пахом радостно. – Вот ты где! Гы-ы...

Света вжимает голову в плечи, она перепугалась от ора и рывка, а рюкзак слетает с ее плеча. Она быстро поворачивается и видит Пахомова. Он держит ее рюкзак в руке, смотрит на него чуть удивленно. Некогда модный и любимый ее рюкзачок «Вэнс» испорчен, у него оторвана одна ляжка. Урод оторвал ляжку ее рюкзака, любимого рюкзака, который в модном магазине ей купили папа и мама. Света смотрела на порванную ляжку, и на глазах у нее наворачивались слезы. А Пахом, этот ублюдочный дебил, кинул ей рюкзак со словами:

– Да ты, овца, сама виновата. Тупая...

И побежал через дорогу вместе со всеми людьми, которые наконец дождались зеленого сигнала светофора. А Света так и осталась стоять на переходе, держа свой рюкзак и через слезы разглядывая вырванную из ткани правую ляжку. Большую такую, с «мясом» рваную дыру.

Теперь ей еще больше не хотелось идти в школу, но папа сказал... вернее, просил, и она пошла. Думая, что хорошо было бы взять камень и разбить уродливую и прыщавую харю этому уроду. Ударить с силой, а лучше несколько раз. Так она и шла, представляя себе в красках маленькую казнь. Что ни говори, а ей очень было жалко рюкзак. Очень. Так жалко, что слезы текли всякий раз, когда она, забыв про эту неприятность, машинально пыталась рукой найти правую ляжку, которая была уже скручена и спрятана внутрь.

Второго урока не было. Вообще, школа почти пустовала. Мелких не было вовсе, средние классы ходили на усмотрение родителей, старшие... на свое собственное усмотрение. Света вошла в класс, народа... и половина не пришла, зря ее папа выпроваживал в школу.

Она поздоровалась:

– Всем привет.

Не так чтобы тихо, но и не так, чтобы всех напугать. Девочки и собравшиеся у стола учителя не обратили на нее внимания. Пацаны тем более, смеются о своем, только Мурат Сабаев, лениво развалившийся сразу на двух стульях за последней партой, произнес:

– Привет, Фомина. Зря приперлась, русского не будет. Тут все уже собираются линять. Может, совсем уроков не будет сегодня.

Классно было бы уйти. Светлана оглядывается:

– А Пахома нет?

– Не-е... Они с Митяем ушли в актовый зал, они там тянок из одиннадцатых классов клеят.

«Клеят». Света чуть улыбнулась. Дурацкое слово. Оно резануло слух, так никто, кроме Мурата, не говорит. Сабаев один из немногих, кто читает книги, он знает много разных слов,

смешно издевается над тиктокерами, и у него, как и у Светы, нет соцсети. Девочка села через парту от него.

– А зачем тебе Пахом? – все так же лениво интересуется Сабаев. – Хочешь травы купить?

– Нет, не нужна... Он, этот урод, мне рюкзак порвал, – говорит Светлана.

– Только рюкзак? – Сабаев косится на девочку и добавляет многозначительно: – Тебе повезло.

Света не совсем поняла, что он имеет в виду, но спрашивать не стала, а Мурат и говорит ей:

– Фомина, давай сбежим, пошли ко мне, у меня мартини есть. Почилим.

Светлана сразу напряглась. А Мурат чуть оживился, смотрит на нее внимательно глазами карими. Хитрыми.

– Нет, не пойду, я не пью, – отвечает она твердо, как отрубает.

– Да расслабься ты, я просто так предложил. – Сабаев снова разваливается на стульях. – Я забыл, что ты у нас спортивная. Просто так предложил. На «вдруг».

Тут как раз открывается дверь, и в кабинет входит их классный, Данила Сергеевич. Все замолкают. Ждут.

– Ребята, не расходимся. Третий и четвертый уроки, физика и алгебра, будут. Готовьтесь.

– О-о-о... – недовольно и разочарованно загудел класс, вернее, полкласса. Особенно недовольны были девочки.

– Не «о», а готовьтесь, вас будут спрашивать, – говорит классный.

Глава 6

Церковь Рождества святого Иоанна Предтечи проще называлась Чесменской, и находилась она в десяти минутах ходьбы от дома Светланы. Церковь была небольшой, но очень красивой, розовой. Говорят, что ее неоднократно посещала императрица Екатерина Вторая по дороге в свою загородную резиденцию. А сейчас она была известна тем, что на маленьком кладбище, что находилось за собором, среди старых елей жили совы. Да, совы жили в городе. Светлана сама их видела по вечерам летом.

Но сейчас девочка шла не в храм – она остановилась у свежевыкрашенного здания прихода, что находился на другой стороне улицы, напротив храма. Остановилась и некоторое время оглядывалась по сторонам. Главное, чтобы никто из одноклассников не увидел, что она ходит в церковь. РПЦ – большой, как говорили пацаны из ее класса, зашквар. Ей не нужны были лишние насмешки. Девочке хватало их по поводу драных кроссовок, старого телефона и того, что ее считали «спортивной», то есть человеком, который так занимается спортом, что не висит в соцсетях. В общем, она полминуты смотрела по сторонам и, лишь убедившись, что никого из ее знакомых нет, быстро нырнула в распахнутые настежь двери прихода.

Даже тут пахнет церковью – это, наверное, от одежды священников.

Как и положено, Света со всеми здоровается. Даже с незнакомыми людьми. Сейчас день, святые отцы тоже тут, в трапезной. Длинный стол, покрытый клеенкой с затейливым узором, на столе подносы с нарезанным хлебом, белым и черным. За столом, кроме священников, несколько прихожан. Одна знакомая Светлане бабка с распухшими ногами и еще пара старушек. В трапезной вкусно пахнет. Настоятеля отца Александра нет. Он редко обедает со всеми. Но здесь его заместитель, отец Серафим. Это мамин духовник, он и Свету, и близнецов крестил. Светлану он любит, а она его не очень. Потому что отец Серафим... лох. У него на одежде пятна, Света видела у него в бороде яичную скорлупу и крошки желтка. Когда он ее обнимает, то пахнет потом, еще он носит бейсболку с эмблемой «СКА» вместе с рясой, у него нет машины – отец Серафим ездит на велосипеде – и что самое стремное, он носит бежевые носки с черными сандалиями. Если Светлана видела его на улице, то быстренько переходила на другую сторону. Не дай бог, кто увидит, как он ее обнимает при встрече. Увидят одноклассники – все, школу можно будет бросать.

– Светланка! – Отец Серафим махал рукой. – Иди сюда, ко мне, – и, видя, что девочка двинулась к нему, уже говорил кухарке Анне: – Матушка, дай тарелочку для девы.

Ее усаживали рядом с отцом Серафимом, ставили перед ней тарелку, сам Серафим наливал ей рыбный суп с картошкой, с жареной заправкой, с разваренными кусками рыбы. Светлана взяла ложку, кусок белого хлеба и сразу начала есть. Суп был приправлен укропом. Этот привкус что-то тронул в глубине ее души, что-то напомнил – смутное и неопределенное, но

лишь на мгновение. Она тут же забыла. Девочка почти не завтракала, а суп был необыкновенно вкусным, но один из молодых попов сказал с усмешкой:

– Душа моя, ты бы хоть перекрестилась перед трапезой.

Света отложила ложку, чтобы перекреститься, она знала, что нужно прочитать молитву перед едой, но отец Серафим, погладив ее по голове, сказал:

– Ешь, ешь, я за тебя помолюсь.

Он, конечно, был... лох. И Света его стеснялась, но прекрасно помнила, что, когда возник вопрос о лишении папы родительских прав из-за инвалидности, папа сказал ей сходить к отцу Серафиму.

Сходить! Да она бежала к отцу Серафиму так, как на соревнованиях не бегала. Прибежала, оторвала его от службы и, рыдая, рассказала о том, что приходили злые тетки, которые сказали, что ей и Кольке с Максом будет лучше в приюте. В приюте! Ее и братьев собирались отправить в приют. А отец Серафим ее успокаивал:

– Тихо ты, тихо, рясю мне не намочи, не плачь, не плачь, я сейчас же пойду к отцу Александру, и он придумает что-нибудь, не отправят вас в детдом. Не рыдай. Отец Александр всех, кого надо, знает, с кем надо поговорит, не волнуйся.

И вправду, все разрешилось, папу не лишили родительских прав по недееспособности, и он благодаря хорошему физиотерапевту стал ходить лучше. Теперь он даже на двух работах работал и выплачивал кредит за медицинское оборудование и возмещение ущерба по решению суда. Девочка не знала наверняка, может, и вправду настоятель храма устроил так, что злобные тетки из комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав больше в их квартире не появлялись. И это хорошо, от этих суровых баб с каменными мордами у Светы мурашки по спине бежали, а близнецы так и вовсе каменели от ужаса.

– Отлично, с супом покончено, – заглядывал ей в тарелку отец Серафим, – давай-ка котлетку из щуки.

– Отец Серафим, я наелась, – отвечала девочка.

– Хорошо, тогда без риса, – говорил священник кухарке. – Матушка, положи деве одну котлетку.

Но Светлане нравится, как в приходе подают рис, он тут вперемишку с кукурузой. И она просит:

– Матушка, одну ложку риса, пожалуйста.

– Конечно, кушай, доченька. – Кухарка принялась накладывать еду.

Еще ее вынудили выпить компот с пряниками, и из прихода девочка вышла чуть живая.

Дома они с папой поменяли белье у мамы и закинули его в стиральную машину. Потом папа прилег, ему выходить в ночь. Помимо охраны, он еще работал в частном предприятии Алиева. Шинковал овощи для салатов. Эти салаты продавались по всему Петербургу. У Алиева трудилось много инвалидов, всегда в ночь, чтобы к открытию супермаркетов салаты были свежими. Папа не чувствовал себя там каким-то особенным. Там он был как все. Работа была непростой, но давала семье больше двадцати тысяч в месяц.

Отец ушел в свою комнату и лег, а Светлана села возле мамы, включила телевизор.

Нафиса. Папа называл ее освобожденной женщиной Востока, хотя она приехала откуда-то с юга. Света не знала точно откуда, платков Нафиса не носила. Всегда была в юбке выше колена и лосинах. Волосы всегда чистые и распущенные. Ей было меньше тридцати лет, и папа говорил, что она в поиске. Ее можно было считать привлекательной, но вот ответственной вряд ли. Она приходила к восьми, здоровалась, справлялась о мамином состоянии, но Света всегда чувствовала, что эти вежливость и интерес показные. Нафиса совсем ничего не делала, она даже могла за всю ночь, за двенадцать часов, ни разу не поменять маме позу. Что ни говори, а неприятная Иванова работала намного лучше Нафисы. Ольга Александровна не

болтала часами по телефону с мужчинами, пытаясь найти себе мужа, и главное, четко выполняла все медицинские предписания. В общем, если бы надо было кого-то уволить, Светлана оставила бы Иванову. Пусть даже она и противная.

Еще до ухода папы на работу Света забрала братьев из садика. Они там поужинали, и кормить их было не нужно, только молоко с пряниками на ночь дать. Теперь мальчишки уселись за компьютер, играли и непрерывно ругались. Света тоже хотела посидеть в соцсетях, пролистать ленты, но вынуждена была ждать, пока Колька и Макс лягут спать, вот тогда будет ее время. А пока она пошла в ванную.

Там она взяла папину бритву. Посмотрела на нее, лезвие в ней старое, наверное, тупое. Света уже сбрасывала себе лишнюю растительность. И сейчас хотела сбрить немного. Под мышками, например. Перед соревнованиями все старшие девочки из ее команды так делали. Они брили и ноги, и вообще везде. Она вспомнила, что сегодня Мурат позвал ее к себе домой. Отчего-то это взволновало ее. Хотя Мурат ей не очень нравился. Но все равно, это его предложение... Что он вообще имел в виду? Зачем приглашал? Мартини. Очень красивое название. Наверно, это вино вкусное. Она никогда не пробовала мартини, она вообще никогда не выпивала, так... пиво пробовала разок. А вот одноклассницы уже выпивали, половина из них точно. Дуры, еще выкладывали свои пьяные фотки в соцсети, неужели не боятся, что родители увидят? Нет, Светлана отложила папину бритву, решила помыться.

И уже разделась, уже открыла воду, как в дверь ванной стали яростно тарабанить. Это были мальчишки, они возбужденно орал:

– Света-а, Света-а!..

– Ну что, по лбу кто-то хочет? – разозлилась девочка.

– Света!.. – орал Колька, она узнала его по интонации. – Света-а... у нас в комнате робот!

– Он шебуршит... – добавлял Макс. – И он не робот, он жук.

– Идите, я помоюсь и посмотрю, – отвечала Светлана. – И сколько раз вам, глупым, нужно говорить, чтобы никогда не ломились ко мне в ванную?

– Света, Света... – продолжал Колька, – робот страшный, мы не можем играть.

– Не играйте в эту игру, – посоветовала Светлана. – Играйте в другую.

– Света, он не в игре, он на кровати на нашей, – говорил Максим. – Он ползает по кровати!

Светлана раздраженно надела белье.

– Если я не найду вашего робота, вы оба получите.

Прикрывая грудь рукой, пошла за мальчишками в комнату.

– Это не робот, – поправил Макс, – это жук.

– Это робот! – орал Колька.

– Ты дурак, это жук! – говорил Максим.

– Это ты дурак, сейчас Света его поймает, и ты увидишь! – продолжал орать Коля. – Это просто такой робот в виде жука.

Света, злая, вошла в комнату, остановилась у кровати братьев, губы поджала:

– Ну, где ваш жук, где ваш робот?

На кровати ничего подобного нет, Макс молчал, а быстрый Колька сразу сообразил.

– Значит, сполз. – Он опустился на пол. Заглянул под кровать. И победно закричал: – Вон он, Света! Робот!

Светлана тоже села на колени рядом с братом, заглянула под кровать и сразу увидела робота-жука. Он полз вдоль пыльного плинтуса. Ей и секунды не понадобилось, чтобы понять, кто это такой. Черный и блестящий, как кусочек угля длиной в указательный палец. Длинное брюхо, похожее на конус. Четыре крепких лапы. Жвала – острые клещи. Она узнала эту тварь. Вспомнила и узнала. Ей стало нехорошо, так как она вспомнила свой отвратительный сон. Кусаки. Ночные кусаки. Это один из них.

– Света, скажи Коле, что это не робот, а жук, – сказал Макс, тоже разглядывая существо.

А девочка не отвечала, смотрела на существо, и ее отчего-то вдруг захлестнула такая злость, что аж врезать кому-то захотелось, она залезла под кровать, уже забыв про неприкрытую грудь, и вымела ладонью кусаку вместе с пылью.

– А, Света! Осторожно... Он тебя укусит, вон какие у него рога! – радостно закричал Колька.

Но девочка не боялась кусаку. Она, сжав свой небольшой кулачок, замахнулась, врезала по твари. Так врезала, та хрустнула.

– Ой, Света! – тихо произнес Макс.

А девочка безгласно взяла раздавленную тварь за лапу и понесла ее в туалет. Мальчишки бежали следом.

– Света-а... А это жук или робот? – спрашивал Колька.

Светлана швырнула кусаку в унитаз и смыла и, лишь убедившись, что вода унесла эту мерзость в канализацию, ответила с ненавистью:

– Это таракан.

– Тараканы не такие, – робко возразил Макс.

Но девочка его не слышала, она все еще смотрела в чистую воду унитаза и вспоминала то, что ей снилось ночью. Теперь она вспомнила все до мельчайших деталей, все свои эмоции и страхи.

Близнецы настроения своей сестры различали по ее лицу, оба притихли, знали, что сейчас ее лучше не доставать вопросами, и даже нагловатый Колька потихонечку ушел вслед за братом, так и не поняв до конца, почему старшая сестра вдруг стала такой злой. Она прошла в ванную, стала быстро одеваться; желание поплескаться в теплой воде, а тем более что-нибудь сбрить себе папиной бритвой сразу пропало. Девочка уже не вспоминала ни о Мурате, ни о мартини. Все это вдруг стало каким-то далеким и нереальным, не то что сон, который приснился прошлой ночью. В этот вечер она так и не посидела за компьютером. Наблюдала, как близнецы, попивая молоко и поедая шоколадные пряники, ругаются, кому проходить следующий уровень. Девочка даже не дождалась положенных десяти часов, отправила их спать раньше. Они немножко попротестовали, но не сильно, уж больно зла была их сестра в этот вечер. Светлана перебралась парой слов с Нафисой. Как всегда, та говорила, чтобы Света не волновалась, что она будет следить за мамой и не будет спать. Но девочка знала, что она врет. Однако за те деньги, что папа мог платить, других сиделок с медицинским образованием не найти. Светлана пошла и легла в свою кровать. А за окном еще светло, она подумала, что братья уже спят, а у нее состояние такое, что и не заснуть. Едва не трясется, как вспомнит, что под камнем очнулась. Какой тут сон. Проклятый, проклятый кусаку, появившись он еще раз, опять бы раздавила его кулаком. Еще и ногой затоптала бы.

Глава 7

Это был все тот же камень. Все тот же густой туман. Она на прежнем месте. И странное дело, у девочки не было желания плакать. Вдыхая полной грудью туман со знакомым едким привкусом, она присела и стала шарить по земле руками. Это как-то само собой произошло, она как будто включилась. Светлана не причитала и не плакала, присела на корточки и искала свою палку. Она должна быть тут. Не мог же тот мерзкий дедок с глазами без зрачков ее забрать. О! Палка нашлась. Девочка обрадовалась. Сразу сжала палку покрепче. Так ей было спокойнее. Теперь она огляделась. Ну, тут гляди не гляди, но если вытянуть руку с палкой, там, где она кончится, уже ничего не видно. Туман. За камнем кто-то закричал. Кажется, она слышала этот звук, похожий на крик обиженной птицы. Хорошо, что далеко, – или это туман так приглушает звуки? Она вспомнила, что из-под камня может вылезти страшный червяк с лапками, ей очень не хотелось, чтобы его желтые жвала впились ей в лодыжку. А в этом проклятом тумане разве его разглядишь? Подползет незаметно, червяк-то на самом деле был весьма проворен.

Она, медленно ступая, чтобы не шуметь, подошла к камню поближе, наклонилась и увидела черную дыру, из которой сама недавно вылезла. У входа мельтешила пара кусак, но их Света уже не боялась. Она выпрямилась и замерла. Ей нужно пересидеть тут какое-то время. Это же сон. Вот она и подождет, пока проснется. Камень вполне бы ее устроил. Если не придет тот дедок, то можно остаться и тут. Она на всякий случай огляделась, стараясь рассмотреть все, что не скрывал туман.

На деревце, которое почти не имело листьев и росло рядом с камнем, сидело существо. Оно сильно походило на... кошку-сфинкса. Только раза в три крупнее. Да, на нем не было шерсти, и величиной оно было с огромного кота, но это не кот, совсем не кот. Кожа того же цвета, что и у Светланы. Но вот головы как таковой у существа не было: огромный рот, огромные уши торчком, длинные ноздри – все это помещалось на конце туловища. Уши и нос, ноздри – все ярко выраженное, пасть большая, чуть приоткрытая, хоть и зубов в ней не заметно, тем не менее выглядело неприятно. Особенно неприятны его совсем не кошачьи ручки-лапки, с пальцами и черными крупными когтями на них.

Зато глаза у существа были очень малы – это были прорези, которые сделали в коже, как будто впопыхах. Маленькие дыры на всякий случай. Помимо прочего, существо имело длинный хвост, который замотался пружиной вокруг крупной ветки. Девочка подумала, что существо еще похоже на хамелеона, она видела таких в передвижном зоопарке. И тут неожиданно – Светлана даже чуть не вскрикнула – это существо легко перепрыгнуло с ветки на камень, весьма быстро пробежало пару метров и что-то схватило своею лапой с цепкими паль-

чиками. Света поняла, оно схватило кусаку. И поступило с жуком очень ловко. Существо быстро отгрызло жуку длинное коническое брюшко, а грудь, лапы и голову со жвалами просто выбросило, и эти останки скатились по камню вниз. А зверь, разинув свою страшную пасть и собравшись с силами, издал резкий и пронзительный звук. Звук был высокий и неприятный, почти визг, от которого девочка поморщилась. И тут же откуда-то донесся ответ. Такой же писк, только чуть сглаженный, ослабленный туманом. А потом еще один, но уже с другого места. И еще один, и еще. А противный крикун тем временем нашел еще одного кусаку и расправился с ним так же, как и с первым. Сожрал, собрался с духом и опять мерзко проорал в туман. Крикун не показался очень страшным – но, когда из тумана на камень выскочил еще один, а через несколько секунд вылез третий, а потом и четвертый, Светлана захотела отсюда уйти. Кажется, зря голос говорил ей, что это место безопасное. Один крикун, может, еще и не страшен, но этих ловких животных... уже пять! Света потихонечку начала отходить. Спинай вперед, держа палку наготове и стараясь не выпускать крикунов из поля зрения. Но в поле зрения она держала их недолго, пять-шесть шагов и все – туман. Она остановилась и присела. Не издавать звуков и не источать запахов. Кажется, так говорил ей голос. Напротив ее камня в прошлый раз, когда жгучее солнце растопило туман, она видела высокую стену с окнами, остатки бывшего дома. Развалины.

Девочка подумала, что там ей будет безопаснее, вот только сейчас, в тумане, да еще и отойдя от «своего» камня, она не могла точно найти нужное направление. Хорошо, что крикуны все еще вопили за спиной. Хоть какой-то ориентир. Их даже через туман было слышно. Все-таки оставаться тут, на открытом месте, она не хотела, нужно подыскать какое-то убежище. Светлана, аккуратно глядя себе под ноги – обуви-то у нее не было – пошла туда, где, по ее мнению, должны быть развалины дома и еще не рухнувшая стена. Она видела осколки разбитой пивной бутылки, валяющиеся на коричневой, глинистой земле, видела ржавый и погнутый самокат без колес. А еще увидела ржавые, вмятые в грунт прутья маленького заборчика, которым обычно огораживают газоны. Они что-то напомнили ей, сначала она даже не поняла что. Но, как выяснилось, шла девочка в правильном направлении. Уже вскоре, поранив обо что-то ногу, она разглядела через туман темное пятно. Стена. Тут нужно было идти еще аккуратнее – кучи битого кирпича, гнилые доски с большими коричневыми гвоздями, осколки стекла.

Ей пришлось выбирать место для каждого следующего шага, чтобы не поранить ногу. Но останавливаться она не хотела, ей почему-то казалось, что у этой стены, в этих развалинах, ей будет безопасно – почему она так думала, сама не понимала. Оказавшись у стены, она остановилась. Да, желтая стена, пустые окна, даже без рам, выше второго этажа уже ничего не видно, туман. Тут ей стало не по себе. По стене весьма бодро пробежал такой же червяк с лапками, как тот, что напугал ее в прошлый раз, когда вылез из-под камня. Только этот был раз в сто меньше. Всего с ее палец. Светлана уже не была так уверена в безопасности этих развалин. Она стала осматривать стену и увидела... табличку. Такие темно-синие эмалированные таблички с названиями улиц и номерами домов она видела на многих зданиях. А эта табличка была облупившаяся, но Светлана без труда могла прочесть надпись на ней: «ул. Гастелло д. 28». Света раскрыла рот от удивления. Она знала этот дом. Она жила совсем рядом, в трех сотнях метров отсюда. Гагарина – Фрунзе – Гастелло – Ленсовета, это квадрат, в котором она родилась и выросла. Голос говорил, что это ее сон. Теперь Светлана была в этом уверена, вокруг все разбито, разрушено, но еще некоторое время назад она ложилась спать в свою постель в своем доме. В целом доме, не в разрушенном, а до этого шла домой из Чесменского прихода как раз по улице Гастелло. И все дома вокруг были целы. И двадцать восьмой тоже. Нет-нет, это точно сон, и ничего другого быть не может. И тут раздался рев у нее за спиной, настоящий, гортанный, с хрипом. И ревел кто-то немаленький. Она быстро обернулась, выставив вперед свою спасительную палку. Но кричали не так близко, чтобы можно было достать палкой. И сразу на рев отозвались крикуны, дружно, зло и громко загалдели. Там, у ее камня, явно что-то проис-

ходило. Какая-то возня и снова рев. Крикуны как с ума посходили, орали так, что Светлане захотелось заткнуть уши, она даже присела. И сразу раздался визг, заливной и обиженный, и она даже разглядела, как в клубах тумана мимо нее пронеслось что-то темное и большое. Пронеслось так быстро, что туман, кажется, за ним завихрялся. Крикуны еще поорали немного, а потом вверху, в воздухе, несколько раз крякнула птица, как бы завершая кутерьму. И снова стало тихо. Нет, ей точно нужно какое-то укрытие. Девочка встала и, снова выбирая место для каждого следующего шага, пошла вдоль стены.

Девочке очень повезло – а может, везет тому, кто ищет. Обойдя стену, она нашла сохранившийся лестничный пролет, что шел вокруг шахты лифта и вел на второй этаж, на небольшую лестничную площадку с окном над ней. Место было очень выгодным, добраться туда можно лишь по ступеням или по отвесной стене. Только вот место это было занято. Там, на такой хорошей лестничной площадке, среди отбитой штукатурки и обломков кирпичной кладки, сидела огромная жаба, этакий серо-желтый невзрачный бугор, который и не сразу заметишь среди мусора. Была она так велика, что не влезла бы в небольшую сковороду, свисала бы с краев по всему периметру. И хорошо, что вокруг было много битого камня, кусков бетона с вывороченной арматурой и всяких других острых предметов. Светлана шла медленно. Медленно и тихо, и поэтому первая заметила это почти круглое, неприятное, серое в желтых пятнах существо. Заметила девочка жабу как раз в тот момент, когда та охотилась. Сначала жаба брызнула откуда-то из морды прозрачной, тонкой струей на стену. А затем лениво и неуклюже подползла к стене поближе и выбросила из пасти большой и тяжелый белый язык, слизнув что-то со стены. Язык упал на бетонный пол, и она его втянула в себя вместе с мелким мусором, прилипшим к нему, – зрелище малоприятное. Да, тут даже жабы и те ужасны. Светлана вспомнила, что ей говорил голос. Он как раз упоминал жаб как весьма опасных существ. Но Света не собиралась уступать этому мерзкому существу такое удобное и безопасное место. Интуитивно девочка поняла, что под прозрачную струю жабы лучше не попадать. А еще она поняла, что своей палкой-выручалкой это мощное существо ей с одного удара не убить. Палочка оказалась девочке слишком легкой для такой мощной твари. Ударь такую, попробуй, так она в ответ брызнет, а на девочке даже одежды нет кроме трусов и майки. Света немного подумала, надеясь на то, что жаба так и будет сидеть мордой к стенке, а не к ней. И решила. Она своей палкой скинет жабу вниз с площадки, вот и все. Идея показалась хорошей. И Света стала потихоньку протягивать палку вдоль стены, чтобы оттуда резким движением смахнуть животное вниз. Жаба, может, и не видела девочку, но вот палку она разглядела сразу. И сразу тонкая струя вылетела в сторону оружия Светы. Все, теперь можно было не прятаться, Света, уже не стеснясь, старалась палкой сгрести жабу с лестничной площадки. Но торопилась, нервничала, боясь, что брызги струи попадут на нее, делала лишние движения, промахивалась. Тонкий конец палки проскакивал то под животным, то поверх спины жабы, то девочке просто мешал мусор, в общем, ей с трудом удавалось толкать животное к краю площадки, тем более что жаба не хотела двигаться и все время пыталась остаться на месте, поливая конец оружия Светланы своей жидкостью. В общем, и та и другая прилагали заметные усилия, чтобы выиграть поединок. Но Светлана оказалась сильнее, она все-таки сдвинула жабу ближе к шахте лифта, а у той закончилась жидкость, да еще и палка ловко ее перевернула на спину. Жаба сдалась, устала. Так и лежала на спине, обнажив блеклое пузо. Почти не двигаясь, отдыхая. А девочка, уже не торопясь и обдуманно, подковырнула ее и скинула вниз. Светлана даже порадовалась, что она победила это мерзкое животное. Теперь пролет и площадка ее. А жаба... Света подошла к краю и заглянула вниз. Жаба сидела на большом куске бетона как ни в чем не бывало.

Вообще-то Светлана, как и большинство ее сверстниц, любила животных, котиков всяких, собачек. Особенно ей нравились бордер-колли: посмотрев в интернете, что вытворяют эти умные псы, она в шутку говорила, что такие собачки могли бы учиться в их классе на твердые тройки. Но вся ее любовь к животным никак не распространялась на здешних существ. Света

думала, что спрячется она здесь, может быть, не в последний раз, и соседствовать с такой мерзкой тварью, что плюется неизвестно чем, ей вовсе не хотелось. Девочка поставила свою палку, подняла из кучи мусора кусок стены из слепленных цементом двух кирпичей. Не без труда подняла, поднесла их к краю площадки, прицелилась, тяжело дыша, и отпустила. Хорошо, что она не стала бить жабу палкой. Огромный камень лег точно на спину животного, но оно не сдохло сразу от страшного удара, а стало быстро, даже судорожно, раскидывая задними лапами мусор и крошево, прыгать на месте. Затем свалилось куда-то за куски переломанного лестничного пролета, а оттуда заползло в какую-то щель, в темноту. Девочка была очень удивлена живучестью этого неприятного животного. Она надеялась, что жаба все-таки сдохнет там, под камнями, уж очень Свете не хотелось делить с ней свое убежище.

Глава 8

Девочка огляделась. Да, место удобное, но его нужно было почистить. Слишком много битого камня и мусора. Но сейчас, после схватки с жабой, ей хотелось чуть передохнуть, оглядеться.

Фу! Вот на кого охотилась жаба. По стене ползали... кажется, папа называл их мокрицами. Они давно, до ремонта в их квартире, под ванной жили. Но те были мелкие, а эти здоровенные, серые, величиной с мизинец. Тут, в неразрушенном углу дома, в тумане, им было хорошо, сыро. Светлана взяла свою палку. И взгляд упал на тонкий ее конец. Девочка удивилась. Вся кора, гибкая и крепкая, с палки слезла или распушилась на нитки, а белая сердцевина, что была под корой, потемнела. Она смотрела на еще влажный конец своего оружия, а потом ради интереса прикоснулась концом палки к крупной мокрице, что ползла по стене. Прикоснулась и чуть прижала ее, но прижала легко, так, чтобы не раздавить. Почти сразу мокрица сжалась, выскользнула из-под палки, свалилась на мусор, но не убежала в какую-либо щель, а стала сворачиваться и разворачиваться, выгибалась и снова скручивалась в комок. Сделав так несколько раз, она развернулась и умерла. Светлана, чуть подумав, выбрала на стене еще одну крупную мокрицу и повторила действие. И опять смотрела, как та выкручивается, падает и тоже умирает.

– Офигеть, – тихо произнесла Светлана, разглядывая потемневший конец своего оружия. И думала о том, что ей повезло, что эти жабы слюни не попали на нее. Главное, самой за тонкий конец не схватиться. Девочка опять огляделась, теперь надо бы навести порядок на площадке. И вдруг...

– Это вы? – раздалось... кажется, прямо над головой. Она даже голову задрала, но, кроме тумана, ничего не увидела. – Вы вчера выбирались из-под земли?

А-а-а... Как девочка была рада этому голосу. Она чуть не закричала от счастья, чуть не запрыгала на месте.

– Да, да! Это я, я, – быстро заговорила Светлана. – Вы меня видите?

– Вижу, – ответил голос чуть погодя. – Но я могу видеть вас только в том случае, если вы находитесь на одном месте не менее десяти секунд, или я вижу ваши движения, но с задержкой. Но я хорошо вас слышу. Я просто узнаю вас по тембру голоса. Звуки я разбираю даже в тумане, но и они от вас доходят до меня через десять секунд.

– Что? – не поняла Светлана. Почему? Почему десять секунд? Впрочем, ее это сейчас не сильно заботило. Девочку интересовал другой вопрос. – Почему я опять вижу этот сон, вы говорили, что я больше об этом месте и не вспомню. А я опять тут... Ну, это... В смысле, мне опять это снится...

– Боюсь, что моя оценка ситуации с вами не была взвешенной, – спокойно и с задержкой отвечал голос.

– Не была взвешенной? – переспросила девочка.

– Да, я думал, что вы тут случайно. Многие люди ищут, как сюда попасть, мне же, в прошлую нашу встречу, показалось, что вы тут оказались случайно. Вот я и подумал, что больше вам тут бывать не придется. Судя по всему, я ошибался.

Светлана опешила. Замерла, задумалась. Даже рот раскрыла. Она ничего не понимала. Какие люди, да еще и многие, хотят попасть в ее сны. Но едва подумав об этом, она снова вернулась к вопросу, который волновал ее больше всего:

– А вы не скажете, как мне проснуться?

– К сожалению, я не знаю ответа на этот вопрос, – донеслось до нее с задержкой, к которой она начинала привыкать.

– Может, мне будильник ставить? – робко предложила она.

– Я не уверен, что это вам поможет. Боюсь... ну, если вы сюда проникаете не по своей воле, то вас призывают.

– Что значит «призывают»? – удивилась Света. – Кто это меня призывает в мои же сны? Как такое может быть?

И тут в глубине ее сознания, далеко-далеко, в самом потаенном уголке души, всплыл вопрос: может быть, это... мама?

На сей раз задержка была намного длиннее, чем обычно, видимо, голос размышлял. И наконец ответил:

– Вам нужно выслушать меня внимательно, и уж если вам придется иметь дело с этим местом, то просто необходимо кое-что знать. Дело в том, что это не ваш сон. Это место я называю Истоки.

– Истоки... – тихо, почти шепотом, и удивленно произнесла она, продолжая слушать.

– Это всего лишь точка в потоке времени, точка, в которой начинается и ваше личное, ваше персональное время. Но эта точка не только ваша, так как она напрямую привязана к точке вашего пространства, того, в котором вы непосредственно обитаете. То есть это Исток для миллионов подобных вам существ, что сейчас живут с вами в вашем времени и в вашей локации, в вашем трехмере.

Светлана молчала. Все то, что произнес голос, просто не укладывалось в голове. Да и не могло это уложиться в голове девочки, которой не исполнилось и шестнадцати. Которая училась на тройки и до беды, что приключилась с их семьей, ничем, кроме бега, любимого спорта, и аниме, почти и не интересовалась. А тут тебе потоки времени, точки, локации всякие, непонятные трехмеры, глупости, глупости неприятные и непонятные. Не о том она хотела слышать. Нет... Скорее всего, это точно какой-то забубенный и дурацкий сон. Но среди этого непонятного сна неожиданно появилась одна вещь, которая Светлану заинтересовала. Папа смеялся над ней частенько, ну, в те времена, когда он еще умел смеяться. Смеялся, когда она, вытаращив глаза, прибегала к нему обсудить какую-нибудь дикую новость, прочитанную в интернете. Как было с новостью, что с какого-то там года обучение в десятых и в одиннадцатых классах будет платным. С этой новостью она прибежала к папе. А он, выслушав ее, улыбался и говорил:

– Светка, в военной науке есть незыблемое правило, а именно: любая информация должна быть осмыслена и проанализирована. – Он поднимал палец вверх, повторяя: – Любая информация. И первым пунктом анализа значится источник информации. Источник! Кто тебе эту дурь сказал?

– Одна тетка... Блогерша.

– Я так и думал. А на сайте Министерства образования такая информация есть?

– Да откуда я знаю, я ту тетку послушала и к тебе пришла, – отвечала девочка.

– То есть достаточно какой-то шаболде что-то там пробубнить в интернете, и ты все, что она скажет, готова принять на веру?

– Ну, не знаю, па... У нее полтора миллиона подписчиков.

Он покачал головой:

– Ничего ровным счетом это не значит. Полтора миллиона слабоумных, не будь такой, как они. Все всегда проверяй, ничего не бери на веру. Особенно источник информации – ищи подтверждения из других источников, иначе будут потери в личном составе. Проверь данную информацию на официальном сайте и, если не найдешь там подтверждения, отписывайся от этой тетки.

Папа был умным... Ну, так мама считала. Света всегда запоминала то, что он говорит, вот и сейчас захотела кое-что выяснить. И поэтому она не стала спрашивать ни про локацию, ни про потоки времени, ни про еще что-то там, а спросила лишь:

– А можно на вас взглянуть? – И, чуть помолчав, добавила: – А то мы все говорим, а я вас так и не видела.

– Боюсь, что сейчас это не представляется возможным, – отвечал голос. – Дело в том, что я в своем физическом состоянии тут пока появиться не могу. Мы находимся в разных рукавах времени, вы ведь слышите, что мои слова доходят до вас с запозданием, по сути, вы говорите не со мной лично, а с моей проекцией.

«Ну да, ну да...» Светлана так почему-то и думала. Рукава времени, проекции... Еще чего-нибудь умного скажи... Она даже улыбнулась незаметно. И продолжила:

– А как же ваша проекция меня видит, как же она со мной говорит, что это такое – проекция?

– Это очень сложно объяснить, но сейчас я нахожусь почти в таком же состоянии, что и вы, я тут существую на тех же физических принципах, только, в отличие от вас, я это свое состояние перемещаю сюда сам, хотя это мне дается так же нелегко, как вам нырнуть в воду на глубину в двести ваших шагов без какого-либо оборудования. Только свое физическое естество я оставляю там, в своем трехмере, точно так же, как и вы свое.

Светлана едва не фыркнула. Едва сдержалась. Ничего из того, что говорил голос, она не поняла. Зато убеждалась, что это все какой-то дурной и неприятный сон. В этом теперь она не сомневалась. И почему-то доверие к голосу, еще вчера такое крепкое, сегодня таяло на глазах. Может, потому, что она сидит в развалинах дома, который в реальности цел и невредим?

«Он какой-то мутный. Он из тех, кто за умными словами хочет скрыть какой-то развод. А может, его и вовсе нет. Может, это сон, который скоро закончится», – думала Светлана. И какой-то бесенок внутри стал словно подбивать ее: выведи, выведи его на чистую воду. Она спросила:

– А раз вам тут так тяжело находиться, зачем вы сюда... приходите или спускаетесь? Не знаю, как вы это называете. Зверушек местных изучать, что ли?

На этот раз пришлось подождать подольше, прежде чем она услышала:

– Нет, местные существа мне мало интересны, меня интересует время. В таких точках его легче изучать. Тут заметны его нюансы, которых в сплошном потоке не разглядеть.

– А зовут вас как? – сразу спросила девочка.

Опять ожидание. И после:

– Скорее всего, первое мое имя будет звучать для вас как Ля. Меня можно было бы назвать Любопытный. Но думаю, что сокращение будет уместным.

– Что? Ля?

«Любопытный. Глупость какая!» Светлана очень жалела, что не может на него взглянуть. Тогда этот «Ля» во взгляде девочки точно увидел бы весь ее сарказм.

– Возможно, что в вашей транскрипции это будет звучать скорее как Лю. Да, Лю, так будет лучше, – произнес голос, как обычно с задержкой.

– Лю, ну хорошо. А меня зовут Светлана. Света.

– Светлана, Света, – повторил голос, – вы мне уже называли свое имя, но раньше я звал вас «высокий беспокойный и встревоженный голос, который доносился из-под земли».

«Очень приятно! Офигенное имя!» – подумала девочка с некоторой обидой. И тут же спросила:

– Лю, так вы точно не знаете способа... ну, это... как бы мне проснуться?

– Если у меня появятся мысли на этот счет, я вам сразу сообщу. Но вы не первая, кто у меня спрашивает об этом, и пока я никому не смог помочь.

И вот тут всякий скепсис покинул девочку, тема была интересна. Она быстро и, как ей казалось, правильно сформулировала вопрос, но задала лишь первую его половину.

– Так я не первая... не первая, с кем вы тут встречаетесь, Лю?

– Нет, далеко не первая, уже встречал здесь представителей из вашего трехмера.

– И где они сейчас? – Вообще-то Свету интересовал другой вопросе – что с ними стало. Но она отважилась только на такую форму.

– Я не могу ответить на этот вопрос. В той области, в которой я могу коммуницировать, а она весьма невелика, вам подобные появляются нечасто; те, кто попадает сюда по своей воле, те уходят на север, подальше от черты, там спокойнее, там меньше агрессивных существ. А те, кого призывают сирены, уходят либо к черте, либо на запад. Каждый идет туда, откуда доносится зов сирен, которые его зовут.

– А сирены – это... как у пожарных машин? Такие громкие звуки?

Опять голос, вернее Лю, молчал дольше обычного. Свете даже показалось, что он не понял вопроса, наконец она услышала:

– Нет, сирены – это существа, что призывают сюда таких, как вы. Сирены способны своей песней вырвать вас из вашего трехмера. Разве вы не слышите их? Это, насколько я могу судить, протяжный монотонный звук, который вы должны слышать почти все время.

– Песня, которую я должна слышать почти все время? – удивилась девочка. Нет, никакой песни она не слышала.

– Да, мне рассказывали, что она монотонная и непрекращающаяся, она мешает комфортному существованию всякого, кто ее слышит, зов сирены разбалансирует психику и даже выводит из себя. Люди приглушают этот звук при помощи специфических химических компонентов. Вы слышите такой звук?

Светлана замерла. Кто-то шебуршал внизу, возможно, все та же жаба. Птица опять кричала где-то вдали. Нет, никакого звука она не слышала. Она забыла, что Любопытный, скорее всего, ее не видит, и покачала головой:

– Нет. Не слышу ничего подобного.

– Нет-нет, не пытайтесь услышать его вашими внешними органами слуха. Зов сирены – он звучит внутри вас, так же, как и мой голос.

Только тут Света впервые обратила внимания на это... А ведь и вправду, голос Лю звучал все время с одинаковой силой и частотой. И да, он звучал внутри нее. В голове? Нет, не в голове. Или в голове? А теперь, когда она вдруг сделала для себя это открытие, а Лю продолжал молчать, ничего другого она не слышала. Кроме естественного фона. И этот фон звучал вовсе не внутри. Это были те самые простые звуки, которые она слышала ушами.

– Нет, я ничего не слышу, кажется, меня никто не зовет, – наконец произнесла девочка.

– Это удивительное дело, – отозвался Лю. – Вы первая на моей памяти, кто попадает сюда не по своей воле и не по воле сирен. Значит, в вашем существовании все гармонично? У вас нет трудностей в проживании отпущенного вам времени?

«Как же нет?» Свете сразу вспомнилась мамина рука, провода, датчики, капельницы, круглосуточно шуршащие вентиляторами приборы контроля. А потом папины костыли и две его работы, огромные счета по кредиту и выплаты по суду, злые теткы из комиссии, готовые

в любой момент забрать ее и близнецов от папы и посадить их в детдом, сверстники в школе, драные кроссовки, Пахом-придуток. «Ну как же – нет трудностей?»

– Трудности есть, – наконец ответила она, заметно помрачнев. – У меня их много.

А Лю продолжал все так же спокойно и все тем же красивым голосом:

– А вы когда-нибудь задумывались о прекращении своего существования?

«Это о чем он спрашивает?» Светлана напряглась, она даже взяла палку, что до сих пор стояла прислоненная к стене. «Это он про что? Про смерть? Про смерть ее спрашивает? А зачем?» Она, конечно, не раз думала о смерти, о своей смерти как таковой и о том, что в этом случае будет с ее родными. Девочка знала, что нужна отцу, он просто без нее не справится, она знала, что нужна и близнецам, они ее любят, и особенно нужна маме, ведь мама только на ее прикосновение отвечает рукопожатием, только от ее голоса мамины зрачки шевелятся. Но все-таки Света думала о своей смерти.

А Лю, не дождавшись ответа, продолжал:

– Сирены ищут тех, у кого тяжесть существования превышает радость от него. Ищут тех, кто задумывался о прекращении своего бытия. Сирены зовут именно их.

– Меня никто не зовет, – ответила Светлана сразу и как-то зло. – Я ничего такого не слышу, ясно вам?

Но в глубине души она почувствовала после слов Лю беспокойство. То беспокойство, что раньше в себе не замечала. Ведь, что ни говори, а жизнь ее протекала от утра до вечера лишь с одной мыслью: прожить этот день. Она давно позабыла, чему еще можно радоваться кроме покупки хорошей картошки по скидке. Она молчала, а голос опять заговорил:

– Я рад был с вами опять пообщаться, я узнал кое-что интересное для себя, спасибо вам, мои силы на исходе, мне пора, прощайте. Желаю вам того, чего бы вам самой хотелось.

«Прощайте»? Как «прощайте»? Светлана оживилась.

– Подождите, Лю. А я... А что же делать мне? – Она подняла голову, забыв, что все равно не сможет его увидеть.

– Ну, вам нужно идти на север. Тут все дома разрушены, а всего в двух сотнях метров на север есть целые дома, там вам нужно поискать себе одежду и обувь. Берите самую крепкую, самую прочную, найдите себе оружие, то, каким сможете владеть. Возможно, хорошая одежда поможет вам выжить здесь. Прощайте.

– Подождите, Лю. Мне идти на север? – Она пыталась понять. – А север где? Вы тут, Лю? Но ей уже никто не отвечал.

Глава 9

Тут из-под кучи битого кирпича выполз червяк с ножками и щипцами на голове, хорошо, что маленький, сантиметров десять – теперь, после того гиганта под камнем, он был не очень страшный. Червяк получил пару раз тонким концом палки, но не сдох, а проворно залез под камни обратно. По стене все ползли мокрицы, на одной из них девочка еще раз испытала палку, палка еще работала. За стеной, вдалеке, снова заорали крикуны, становилось теплее. Как голос попрощался и умолк, Светлане стало одиноко, а еще с Лю ей было спокойнее, словно он оберегал ее. Тут, в развалинах, она чувствовала себя лучше, чем у камня, но Лю советовал ей найти одежду. Пусть она и с недоверием относилась к его последним пояснениям, но одежда ей нужна. И, главное, обувь. Здесь столько всего, что может повредить ноги, и живого, и неживого – в общем, придется выйти из убежища. Пока она размышляла, сами собой появились тени, и стало еще теплее – девочка заметила, что туман почти рассеялся. Да, он тут исчезал очень быстро. Света начала спускаться по лестнице, все так же аккуратно, чтобы не поранить ног. А еще она помнила, что там, внизу, в кучах ломаного бетона, кажется, еще живая, пряталась жаба. Девочка дошла до выхода из развалин. Остановилась. Все, туман закончился. Пространство вокруг заливал белый, белый, жаркий свет. С громким жужжанием прилетело и плюхнулось ей на майку, прямо на грудь, отвратительное насекомое. Вскрикнув, девочка смахнула его на землю, оно было большое и неуклюжее, похожее на крымскую цикаду. Упало, копошилось в крошечке кирпича, Света, все еще перепуганная, прижала его к земле палкой.

Кажется, палка уже высыхала, теряя свои магические возможности. Насекомое вывернулось, тяжело жужжало, с трудом взлетело и унеслось прочь.

«Сколь же тут всяких мерзостей». Девочка перевела дух и огляделась. Камень. Ее камень был хорошо виден. «Если это двадцать восьмой дом по Гастелло, то там... проспект Гагарина, а там Фрунзе». И там, в той стороне, она видела не развалины, а хорошо сохранившиеся дома. Они были желтые и яркие в свете обжигающего солнца. Совсем как живые. В них должно найтись то, что ей нужно. Над развалинами пронеслись две птицы. Снова мимо нее басом прожужжало какое-то насекомое. Стоять тут и бояться не было смысла, в случае опасности она просто убежит. Решив так, Светлана вышла из развалин двадцать восьмого дома. Взяв свою палку двумя руками, она пошла к камню, прошла, огибая его с юга, и направилась дальше к виднеющимся впереди домам. Стоящие еще кое-где стены, горы битого кирпича она обходила, стараясь не приближаться к ним. Птица, проклятая, проорала почти над головой, напугала Свету резким криканьем – девочка задрала голову, проводила ее недобрым взглядом. Птица еще и уродливая. Светлана снова двинулась к домам, там, за ржавыми остовами гаражей, она увидела красивый... Ковер? Нет, лужайка, которая белела на солнце. А цвет у нее был не белый, а сереб-

ристый. Когда она подошла ближе, то поняла, что серебро цвета отдает зеленью. Это... это был мох. Целая поляна серебристо-зеленого мха. Посреди которого кто-то позабыл пластиковое ведро. Ведро от времени вросло в мох, оставив на поверхности лишь круглый обод и белую ручку. Девочка, позабыв, где она находится, даже не оглядевшись толком, присела и провела рукой по серебру. Ах, как он был мягок, этот мох. В «Икее» она пробовала на ощупь некоторые покрывала, которые там продавались, из флиса, кажется; так вот, этот мох был такой же нежный. Да, именно нежный. Жаль, что нельзя лечь и полежать на нем. Погреться на солнце, которое уже печет так, что можно даже позагорать, не хуже, чем в Турции. Но нужно идти. Света поднялась и поставила ногу на серебро лужайки. Какой он все-таки мягкий, удивительно... И тут ее ступню словно обожгло. Подошва запылала в одно мгновение. Или, может, это был не огонь, а десятки, сотни иголок одновременно проткнули крепкую кожу ноги девочки.

– А-а! – От боли, а еще и от страха и неожиданности закричала Светлана и тут же попыталась убрать ногу с серебряного ковра. Но нога словно прилипла. Ей даже пришлось приложить усилие, чтобы вырвать свою ступню из этого страшного мха. Вырвала, уселась на попу, поглядела на бурый след, что остался на серебре, еще переживая боль. Бурый след! Отчего он такой? И только тут девочка рассмотрела ногу, чуть вывернув стопу к себе. О! Вся подошва от пятки и до пальцев была испещрена мелкими круглыми отверстиями, из которых сочилась кровь. Кровь стекала к пятке и большими медленными каплями падала на рыжую, уже высыхающую на солнце землю. А Света еще раз взглянула на лужайку. И ее осенило. Там, среди лужайки вросло в мох... Никакое это не ведро. Это был не белый край ведра с белой ручкой, а ребра какого-то существа, может быть, даже... человека? Только тут у девочки заработала голова. Как можно было не заметить и другие кости, что валялись на лужайке?

«Фомина ты тупая!» Она даже чуть всплакнула, скорее от обиды, чем от боли. Ведь теперь ей придется не идти к домам для поисков, а вернуться назад, в убежище. Сейчас, когда жгучее солнце сушило слезы на щеках, а со ступни падали капли крови, она не поставила бы под сомнение ни одно слово Лю. Теперь она бы все слушала внимательно и еще переспрашивала бы, стараясь запомнить. Сны-не сны, потоки времени, трехмеры, сирены... Как было бы здорово опять услышать этот спокойный и красивый голос у себя в голове.

– Лю, вы меня слышите? – на всякий случай позвала девочка.

Голос не ответил, а сидеть тут, на открытом месте рядом с лужайкой, было нельзя. Девочка стянула с себя майку, все равно нет никого вокруг, как-то обмотала ею ногу... Майка сразу покраснела. Ну как... как можно было спутать ведро с ребрами, да еще и запах не почувствовать... Тут же смердит тухлятиной, невыносимо смердит... Как она этого не заметила или это солнце так припекло, что запах усилился? Девочка встала, теперь она старалась быть внимательной, поглядела по сторонам. Опираясь лишь на пятку раненой ноги, пошла обратно, ей очень хотелось побыстрее попасть в развалины двадцать восьмого дома, которые она уже считала своими. Солнце жгло невыносимо, оно-то и спасло девочке жизнь. Неожиданно потемнело. Свет, зной, обжигающие плечи лучи и вдруг... тенек. Света удивилась, на небе она не видела ни облачка, а тут вон как... Девочка обернулась и увидела, как со спины ее догоняют веревки-жгуты, тянущиеся с неба. Некрасивые, серые, в потеках, даже на вид липкие, а на их концах – лиловые расширения, похожие на крупные мужские ладони, только все в присосках. И летят-шевелиются эти липкие мерзости прямо на нее, летят быстро, своими «ладошками» едва не касаясь земли, еще и растопыриваясь в стороны, чтобы охват был побольше. Присоски на «ладошках» уже рассмотреть можно. И рядом уже – вот они. Вот она, «ладошка», липкая, слюнявая! Девочка и про больную ногу позабыла, чудом увернулась, вывернулась едва-едва, чтобы не коснуться жгутов. В десятке сантиметров, может, в двух десятках от ее локтя, пронесся один из жгутов. Уворачиваясь, она чуть приподняла палку, и конец палки как раз оказался на пути липкого жгута. Была палка – и нет, жгут в мгновение ока обвился вокруг нее пет-

лей и вырвал оружие девочки с необыкновенной легкостью, поцарапав ей сучками руку выше локтя. Но было уже не до царапин и даже не до такой отличной палки, пора самой спасаться.

Даже не подняв глаз, она кинулась бегом к развалинам двадцать восьмого дома. Уже ни боли в ноге не чувствовала, ни дороги не разбирала, удлиняла шаг, увеличивала скорость, перепрыгивала кучи битого кирпича и, рискуя налететь ногами на что-нибудь острое, долетела до входа в развалины и лишь тут остановилась. Повернулась, чтобы понять, что же это было. Она догадывалась, но хотела убедиться. И ее догадка оказалась верной – там, где она недавно была, медленно и величественно парила огромная, намного больше парашюта, розовая медуза с лиловой бахромой по краям тела. Она была даже красива и, кажется, плыла в сторону девочки. Медуза стала лениво делать те сокращающиеся движения, что позволяют медузам перемещаться. Она передумала лететь прочь, двумя рывками изменила направление. Эта красота двинулась в сторону девочки, волоча к ней свои страшные жгуты-«ладошки». Глаза у нее, что ли, были?

Светлана раздумывать не стала, кинулась внутрь, за стену, и вверх по пролету лестницы в отвоеванный у жабы угол. Ей было страшно, по-настоящему страшно, ведь крыша-то отсутствовала, только стены углом и все. А вдруг эта красивая и огромная тварь скинет к ней свои липкие, похожие на мертвечину жгуты? Что делать? Девочка уже заглянула вниз. Придется бежать туда. Палка! Как ей дальше без палки? И майка, ее окровавленная майка слетела с ноги во время бега. Света стояла в своем убежище в одних трусах, с больной ногой, без палки и задрав вверх голову. Ждала, появится над ней медуза или нет. Со страхом, с замиранием сердца смотрела на угол неба, что был виден.

– Ну Света-а... Уже будильник два раза звонил. Просыпайся! – Кто-то пальцами разжимает ей веки на левом глазу. – Света-а-а...

Это может быть только один человек. Она открыла глаза. Так и есть. Колька стоит рядом с кроватью, да еще склоняется к ней, пытается говорить в ухо:

– Мы опаздываем, Света-а...

Надо бы его осадить, но Светлана находилась в каком-то непонятном состоянии. Она в оцепенении, и это от того, что между ее нынешним миром и тем, что происходило во сне, нет никакой черты. Медуза и жаба были так же реальны, как ее нудный братец. И если вчера она проснулась, почти ничего не помня, то сегодня она помнила все. Все, все, все до мельчайших подробностей. Вплоть до тактильных ощущений, которые испытывала, когда гладила серебряный мох мертвой лужайки. Она чувствовала, что на ней нет майки, она не испытывала боли, но знала, что пододеяльник прилипает к высыхающей крови на ее ноге.

– Света, нам надо идти. Мы опоздаем на завтрак, – говорит Максим, даже он волнуется.

О! Нет! Это уже серьезно. Это приводит ее в чувства. Опаздывать нельзя, или придется отдать папин завтрак близнецам.

– Вы зубы почистили? – спрашивает она, пытаясь дотянуться до стула, где висит одежда. Берет олимпийку.

– Да все мы почистили! – кричит Колька. – И умылись!

Мальчишки даже уже одеты.

– Идите обувайтесь, – говорит девочка и, позабыв про кровь, вытаскивает ноги из-под одеяла.

– Света! Смотри! Кровь! – не унимается Макс, который обычно спокойнее Кольки. – Света, ты порезалась! У тебя вся нога в крови!

– Идите уже... обувайтесь! Сказала же вам, сейчас приду! – в ответ орет она.

Сама встает и натягивает треники. Кровь на самом деле уже подсохла. Девочка быстро идет в ванную, надо ее смыть, взять носки. Хорошо, что нога почти не болит, только когда

наступаешь, и то немного. В ванной она была недолго, когда вышла, мальчишки стояли в прихожей уже обутые. Стояли, молчали и смотрели на нее.

– Ну, что ждете? – говорит она, беря ключи. – Открывайте дверь.

Глава 10

Ступня не болела, пока на нее не наступали, а как Света пошла, так заныла. И хорошо, что она не поленилась надеть носок, кажется, он промок. Но девочка старалась не хромать. Рядом шли близнецы, оба серьезные, даже Колька молчал. Они поглядывали на сестру, в глазах детская, честная тревога. Максим берет ее за руку, заглядывает в лицо:

– Света.

– Чего?

– А ты не заболела?

Светлана старается улыбнуться. Обнимает брата. Прижимает его голову к себе:

– Нет, не заболела.

– Света, а почему у тебя нога в крови, ты пошла, а на полу следы? – задает следующий вопрос Коля, берет ее за другую руку и тоже заглядывает в лицо.

– Потому что порезалась, – отвечает она.

– А сейчас тебе не больно ходить? – спрашивает Максим.

– А как ты порезалась... Ночью? Обо что? – засыпает ее вопросами Николай.

– Так... Идите быстрее, опоздаете на завтрак, до обеда будете голодными, – заканчивает разговор сестра и ускоряет шаг.

Пришла домой, первым делом поглядела на носок. Он промок от крови, в кроссовке тоже чуть-чуть есть. Папа был уже дома, и девочка быстро прошла в ванную. Там, достав аптечку, нашла зеленку и смазала всю ступню. Страшно получилось, зато кровь перестала сочиться. Поискала новый носок, но почти все носки были рваные, пришлось надеть разные.

Если на «охране» папа может подремать ночью, то на «резке» спать не приходится. Он всю ночь режет продукты, упаковывает салаты, клеит этикетки, собирает салаты в ящики, каждому заказчику свой. Там он устает. Но все равно, отпустив Нафису, он не идет к себе, а садится в комнате у мамы, включает телик.

– Па, иди ложись, поспи. А я побуду с мамой, – говорит Света.

– Нет, я тут посижу, подремлю, а ты иди в школу, как вернешься, я лягу спать.

«В школу, в школу». Папа все время гонит ее в школу, а Светлане там плохо, у нее больше нет подруг, с ней никто из девочек давно не общается. Раньше, в младших классах, они приходили к ней в гости толпами, потом, когда Света стала бегать, их интересы разошлись, но они все равно хоть как-то общались в классе: уже тогда девочки ее перестали звать с собой, если собирались у кого-то в гостях. Но в те времена Светлана сошлась с девочками из команды, многие из которых были постарше ее. И они ей были интереснее одноклассниц. Ну а после беды на тре-

нировки она стала ходить очень редко, а одноклассники и вовсе перестали ее замечать, теперь все общение сводилось к «приветам». И вопросам типа: «Какой у нас сейчас, литература?» Ну а с пацанами она почти не общалась, все пацаны были либо уроды, типа Пахома, либо те, что на Светлану внимания не обращали. Да еще учителя. Учителя ее не очень любили, Светлана, занявшись спортом, запустила учебу. И с твердой хорошистки скатилась в троечницы.

– Па, у нас все равно уроков почти нет, в школе пусто, учителя болеют, что мне там делать? Давай я дома побуду, а ты выспишься, – предложила Света.

Нет, папа все думает, что ей нужно будет поступать в институт, он все надеется на это:

– Нет, Светка, иди. Нельзя бросать школу, понимаешь, нельзя.

Кажется, для него эта школа была тем последним делом, что связывало Светлану с нормальным миром. Хотя для себя Света давно все решила, она уже не делала уроков, не старалась на контрольных: все равно, какую оценку поставят. Она просто отбывала в школе время.

– Ладно, па... Поем и пойду.

Она собиралась долго есть, чтобы даже на второй урок не успеть.

Парк Победы в Петербурге считается местом престижным. Дорога на юг, близко до центра, на Московском проспекте много магазинов и ресторанов, дома вокруг парка – респектабельные сталинки, во дворах дорогие машины: «кайены», «мерседесы» и БМВ последних моделей, попадаются «ягуары». Публика здесь небедная. Но эта женщина бросалась в глаза даже на чистой и зеленой улице Фрунзе. Светлана остановилась на перекрестке, ожидая зеленого сигнала, смотрела по сторонам и увидела ее. Девочка и сама была немаленького роста, вторая в классе после Ксюхи. А эта дама намного выше Светы. Одета в бежевый плащ с поясом, черные замшевые сапоги до колен, что рановато для теплого сентября, и черные кожаные перчатки, которые тоже еще рано носить. На голове красный платок. Глаза прятались под большими солнцезащитными очками – это в сентябрьском Санкт-Петербурге, а нижнюю часть лица закрывала никого сейчас не удивляющая антиковидная маска черного цвета. Элегантность, тайна, опасность. Света постеснялась долго рассматривать эту даму. Или побоялась. И самым удивительным было то, что она шла за Светланой почти до самой школы. Только у школы зашла в магазинчик в доме напротив.

Но и это было еще не все: когда после уроков девочка возвращалась домой и уже свернула с улицы Ленсовета во дворы, она, случайно повернув голову в сторону, опять увидела эту женщину. Это было так странно, что Света непроизвольно ускорила шаг. А перед тем, как войти в подъезд, даже обернулась. Не идет ли женщина за ней? Нет, во дворе элегантной дамы не было.

Ну и ладно, у девочки и без того хватало забот и тревог.

Ей, например, нужно вымыть полы в квартире, так как на них остались грязные следы от ее кровоточащей ноги. О! Нога! Света позабыла про нее, так как нога не болела. Девочка уселась на свою кровать, стянула почерневший, кажется, от зеленки носок и осмотрела ногу. Ранки больше не кровоточили. Зеленка сделала свое дело. Ну и славно. Света сварила себе две сосиски и яйцо. Доширак трогать не стала, очень хотелось, но не стала. Близнецы иногда вечером не ограничиваются печеньем и молоком и просят есть. Впрочем, дешевые сосиски с яйцом, с майонезом, со «Столичным» хлебом были очень вкусны. Она бы и еще столько же съела. Последнее время есть ей хотелось почему-то больше и больше.

Весь оставшийся день она мыла полы, стирала постельное белье, а на ужин решила пожарить картошку, ведь нашелся хороший кусочек сала в морозилке. Пока суежилась, заходила к маме сказать ей что-нибудь. Мама должна слышать голоса, должна знать, что она не одна. Так доктор велел.

Еле успела до папиного пробуждения все дела поделать. Когда встал папа, она сбегала за братьями в садик и, вернувшись, сразу стала жарить картошку. Картошка у девочки получа-

лась, папа хвалил блюдо. Светлане было приятно. Вот и сейчас он сел есть, перед этим выпив свои таблетки. Взял вилку и спрашивает:

– Светланка, ну а у тебя как дела?

От такого вопроса девочка даже растерялась. Как у нее дела? А как у нее могут быть дела, если папа инвалид, а мама уже почти год как лежит, не вставая и не приходя в сознание. А еще ей снятся странные сны, в которых она получает вполне реальные раны. И у нее есть знакомый голос по имени Лю. Он ее... наверное, друг, который помогает выживать в ужасных сновидениях. Рассказать об этом папе? Ей очень, очень хотелось поделиться с ним всем тем, что с ней происходило, но разве можно это делать?

У него, что, мало забот, чтобы еще и о ее снах и ночных голосах думать. Нет, пока она ничего ему рассказывать не будет. Это лишнее, папа и так выбивается и сил.

Светлана подошла к отцу и обняла его:

– Да все нормально, па.

– Я в том смысле, – продолжал отец, накалывая горячую, румяную картошку, – что тебе через два месяца шестнадцать исполнится. Вот думаю, что тебе подарить. Что тебе нужно? Что бы ты хотела?

Что бы она хотела? Одежду, телефон, кроссовки. Да ей просто белье нужно, носки. Все ее белье старое и изношенное, она давно из него выросла, а последнюю приличную маечку потеряла во сне, когда бежала от летающей медузы. А еще Света вспомнила, какое белье носят некоторые одноклассницы. Она видела их в раздевалке перед физкультурой. Ну, о таком она даже не мечтала. Ей бы просто новое.

– Мне нужно белье, па.

– Да я не про такой подарок, – говорит отец, – я про нормальный.

– Па... – Светлана смотрит на него. – Мне сейчас нужно только белье, ну и носки еще.

Отец молча кивает. Он такой уставший в последнее время, Светлана опять его обнимает.

Папа, как всегда, выкурив сигарету после ужина, ушел на работу. Ему нужно быть там к девяти, но он уходил в половине восьмого. Света смотрела на него из окна. Папа ходит медленно, без костылей ноги почти не слушаются, он без них только стоять может, поэтому даже до остановки на проспекте Гагарина, до которой Света добежит за минуту, ему приходится идти минут пятнадцать.

Поглядев, как отец скрылся за углом, девочка подошла к матери уже который раз за день, пожалала ей руку и сказала:

– Папу я накормила, картошку пожарила. Он на работу пошел.

Кажется, мама ответила ей движением зрачков под веками.

Света села в кресло, включила телевизор. Все как всегда. Братья ругались за компьютером в своей комнате. Встать, пойти подзатыльников раздать? Нет, она сидит и нажимает кнопки на пульте, даже не пытаясь понять, что по какому каналу идет. Если честно, то ей было... немного страшно. А если быть еще честнее, то и не немного. Когда она бежала от медузы, то не испытывала страха, а вот после и сейчас... да, страх весьма реальный. Он перемешивался с чувством беспокойства и неотвратимостью нового испытания. Что уж там, она заметно тревожилась и отдавала себе в этом отчет. Аж руки вспотели. Совсем как перед ответственным забегом когда-то. Но к соревнованиям она готовилась, готовилась серьезно. Точно! Сейчас она думала о том, что ей надо подготовиться. Если ночью она снова окажется в этом сне, то ей нужно быть во всеоружии. Очень, очень не хотелось Светлане снова оказаться там, но почему-то не было и намека на сомнение, что она сегодня снова увидит вязкий желтоватый туман, а потом и обжигающее солнце.

«Да, нужно подготовиться ко сну».

Как забавно это прозвучало. Только вот смешным не показалось. Она встала, бросила на кресло пульт и, оставив маму, пошла к кладовке, где лежали ее вещи. Вытащила беговой

костюм, в котором тренировалась в непогоду. Кроссовки старые, совсем рваные, но это лучше, чем босиком. Те, в которых ходила в школу, было жалко, мало ли что. Она вернулась к маме в комнату и разложила костюм с обувью на полу. Осмотрела и стала мерить. Конечно, все оказалось мало. И куртка узка, и брюки короткие, и кроссовки – пальцы впriтык, она за год заметно подросла. Но ничего другого у нее не было. И пусть, перед кем ей, перед медузами красоваться или перед крикунами? Немного неудобно, но будь на ней кроссовки, даже эти рваные, серебряный мох ей ногу не раскровенил бы. Она чуть-чуть постояла, подумала. Точно! Ей нужно оружие. Пошла в костюме на кухню, нашла большой нож для резки мяса, которым не пользовалась, он казался неудобным. А вот теперь он как раз подходил. Еще она обнаружила в столе кусок капронового шнура, тоже может пригодиться. И ее опять осенило! В кладовке нашла папин ящик с инструментами. Там был молоток с красной резиновой ручкой и с загибом-гвоздодером, он с детства казался ей страшным. Она взяла его в руку. Он был удобен и теперь не казался таким тяжелым, как раньше. Светлана решила взять его с собой. Задвинула инструменты на полку и подумала, что еще может потребоваться зажигалка. У папы их было много. Она пошла в его комнату со всем, что нашла, и с ножом, и с молотком, но тут позвонили в домофон. Девочка выбирала зажигалку из тех, что лежали на тумбочке у папиной кровати, а домофон тем временем разрывался. Света, разозлилась, схватила зажигалку и выскочила в коридор.

– Мелкие уродцы, вы что, не можете открыть?

Братья, только что шумевшие, почти дравшиеся, притихли, но от компьютера не оторвались, только смотрели на нее чуть удивленно. Света открыла дверь: пришла Иванова, чтобы заступить на дежурство возле мамы на ночь.

Девочка влетела в комнату к братьям, отобрала у одного из них мышку.

– Что, тяжело оторваться от этой фигни?! – спросила Света зло. – Никто не может встать открыть дверь сиделке? А? Все я должна делать?

Мальчики молчали. Она обычно позволяла им сидеть до десяти, но тут разыгралась злость, а еще больше волнение.

– Чистить зубы и спать! Быстро! – закричала она.

– Мы еще молоко не пили, – напомнил Максим.

– Пошли на кухню, быстро попили и чистить зубы.

Она подзатыльниками и пинками погнала братьев на кухню, налила им молока, дала по одному прянику. Братья принялись торопливо есть и пить, а сами смотрели на сестру поверх стаканов, удивляясь, что она в беговом костюме, с ножом и молотком в руках. Макс сделал брату замысловатый знак, Колька понял его без слов и спросил:

– Света, а ты снова бегать будешь?

– Буду, – зло ответила девочка. – Допивайте.

– А нож тебе зачем? – не отставал Николай.

– А молоток? – присоединился к нему Макс, допивая молоко.

– А ты сейчас побежишь? – продолжал Колька.

Света ничего не хотела им объяснить.

– Допили? Все? Стаканы в мойку – и в ванную, через минуту я приду, чтобы были в постели! – закончила разговор сестра.

Мальчишки убежали, а она помыла за ними стаканы. Мыла, а у самой руки подрагивали. Сентябрь, за окном уже темнеет. Ночь скоро. Ей тоже пора ложиться. И тут ей пришла в голову мысль: а если не ложиться спать до утра? Что будет?

Эта мысль ей очень понравилась. Точно, нужно попробовать. Сейчас уложит братьев, а сама посидит в интернете, там можно зависнуть надолго. Иногда она просиживала во Всемирной паутине до утра.

Глава 11

Такое впечатление, что туман стал в два раза плотнее. И еще... он был липким. Света помнила, что всего на мгновение опустила голову на стол перед компьютером. И все, уже туман липнет к коже. К коже. Ведь на ней нет ни костюма, ни кроссовок, ни носков. Ничего, кроме трусов. Ей хочется плакать. Тем более хочется, что внизу, в тумане, среди строительного мусора, шевелится, шуршит кто-то – она очень надеялась, что это жаба. Непонятно, почему она так думала, ведь уже знала, что слюна жабы очень опасна, а палки у Светы не было. Все, что она могла сейчас сделать, так это просто плакать или звать на помощь, и она позвала:

– Лю... Лю, вы тут?

Девочка замерла, выжидая положенные секунды... Тишина... Тишина... Любопытный не отвечал. Мерзкий туман и такая унылая тишина, что захотелось нарушить ее хоть каким-то звуком, закричать что есть силы, лишь бы не завязнуть в этом тумане, похожем на старую вату. Только теперь она вспомнила слова Лю про сирен, про их песни, которые призывают людей, у которых нет надежды или которые думают о смерти. Она думала о смерти? Девочка не успела ответить себе на этот вопрос. Совсем недалеко, кажется, за стеной, пронзительно взвизгнул крикун. О, он так орет, что его даже через туман отлично слышно. Ну и как ей тут не плакать? И заплакала бы... Если бы не услышала такой красивый, спокойный и даже родной голос.

– Постарайтесь не издавать звуков, – сказал Лю. – Эти стайные существа прекрасно организованы и отлично ориентируются в тумане. Одно из них от вас недалеко.

Но Света тут же позабыла про предупреждение и уточнила:

– Вы про крикунов?

– Судя по всему, да, мы говорим об одних и тех же существах. Крикуны... Вы нашли им правильное название, но еще раз повторяю, не издавайте звуков, у них отличный слух, это разведчик, он чувствует жабу и не станет приближаться к вам, если не услышит чего-то необычного. Имейте в виду, после медуз они самые опасные существа в тумане. Солнца они избегают.

Света замерла в своем углу. У нее был десяток вопросов, не меньше, но она не могла их задать. Нужно ждать. И хорошо, что она молчала, опять невдалеке заорал крикун. А Лю произнес:

– Это был разведчик, он уходит, его, кажется, отпугнул запах жабы, кстати, вам тоже нужно быть с ней аккуратней, я не уверен, что вы выживете, если ее токсин попадет на вашу кожу.

Светлана до этого и сама додумалась. И даже была чуточку этим горда. Но гордость гордостью, а палку-то у нее отобрала медуза.

– Я вчера наступила на серебряный мох, и меня чуть не схватила медуза, – произнесла она тихо. – Я потеряла свою палку.

– Лишайник, что растет во влажных местах, весьма опасен, я забыл предупредить вас, но я видел, как некоторые ваши... соплеменники в момент опасности забегали на такую лужайку, они там скрывались от преследователей. Это эффективная тактика.

– Они были обуты! – догадалась Света.

– Да, у них на нижних конечностях были приспособления для комфортного передвижения.

– Я тоже пыталась одеться и обуться, подготовиться, взять с собой оружие, но тут я оказалась без всего.

– Это любопытно, любопытно, – медленно, словно размышляя, говорил голос. – То есть как бы вы ни готовились, сюда вы все равно попадете в своем естественном виде. Вы мне многое объяснили, Светлана-Света. Но это всего лишь один случай, слишком мало данных для законченной гипотезы. Раньше я считал, что невозможно вернуться в свой трехмер с местными предметами, а оказывается, нельзя проделать и обратную операцию.

Света с трудом понимала, что он там говорит, и, как только голос умолк, спросила:

– А что делать мне?

– Думаю, для выживания вам все-таки нужно добраться до тех домов, что не разрушены. И там найти себе одежду и устройства для комфортного передвижения, вы называете это обувью. А также привычные для вас орудия, которыми вы сможете обороняться. Так вероятность вашего выживания в этой локации значительно повысится.

– Лю, а вы мне будете помогать? Без вас я тут умру, кажется... – произнесла девочка.

– Светлана-Света, я буду прилагать для этого все силы. Вы мне очень интересны, вы одна из немногих представительниц вашего вида, с которой мне удалось установить такой хороший контакт, я с удовольствием буду наблюдать те метаморфозы, что будут с вами происходить в этих местах. Я предоставляю вам все имеющиеся у меня знания для скорейшей вашей адаптации к местным условиям.

Света не все поняла. Речь голоса всегда была слишком ученой для нее. Но главное девочка уловила: Лю будет ей помогать. Она уже думала о том, что все, о чем говорит ей голос, нужно запоминать, ничего не пропускать мимо ушей.

– Лю, а что значит мето... мето... какое-то там, что со мной будет происходить?

– Метаморфозы. Это значит изменения. Если вы не погибнете в ближайшее время, а сирена не отпустит вас и продолжит сюда призывать, то вы в процессе адаптации начнете меняться. Будет меняться и ваша физиология, и ваш личностный конструкт. А мне очень хочется видеть, как вы будете меняться. И значительную часть времени, что я провожу тут, я буду проводить с вами.

Свете бы порадоваться, но у нее в голове родилась одна интересная мысль.

– В позапрошлом мое тут... Ну, когда я тут была, на меня напал, вернее, хотел напасть, один дедок, такой, с незрячими глазами... Без носа. Сам голый был.

– Дедок? – Кажется, Лю не понимал, о чем она говорит.

– Ну, старый такой человек, голый и со слепыми глазами.

– Ферокс. Я понял, о чем вы говорите. Да, именно эти метаморфозы я имел в виду. Часть попадающих сюда идут по пути примитивизации, они быстро приспособливаются, прячутся от солнца, живут в тумане, улучшают слух и обоняние, но утрачивают зрение и навыки работы с инструментами, получают заметные физические преимущества, умение переваривать падаль, ядовитую и малосъедобную пищу, но утрачивают умственные возможности, попросту становятся дикими, фероксами. Это большая часть проникающих сюда. Но некоторые сохраняют свой разум и умение работать. Они здесь гости, искатели. Я называю их оптиматы. Их мало, но

они есть. Есть призванные, которые просто идут к своей цели, к своей сирене, и, как правило, погибают. А есть супримы, но этих совсем мало.

Света растерянно молчала, обдумывала услышанное, стоя в своем углу над лестничным пролетом. Вот как, оказывается. Люди тут дичают, доходят до такого состояния, в котором был тот дедок! До состояния зверя? Как такое возможно? А Лю, видимо, думая, что девочка испугана, попытался успокоить:

– Вам нечего бояться того ферокса, он уже мертв, его поймали и съели, как вы их называете, крикуны. Ближайшая видимая мною местность будет относительно безопасна, как только выйдет солнце и крикуны уйдут в свое логово.

Да, это все было, конечно, здорово, дедка сожрали, крикуны скоро уйдут прятаться, Лю хочет наблюдать метаморфозы, а ей... Что делать ей?

– Лю, а что делать мне? Что делать мне, ведь мне нельзя идти к сирене. Пусть она меня хоть зовет, хоть обзовется. У меня мама в коме, а папа инвалид, а еще два маленьких брата, я не хочу к сирене. Я не хочу, чтобы она меня сюда призывала, что мне делать, Лю? – намного громче, чем нужно, говорила, вернее, почти кричала девочка.

Молчание длилось дольше, чем обычно, но Света чувствовала, знала, что Лю еще с ней, и она дождалась ответа:

– Возможно, вам придется избавиться от сирены или избавиться от тех тягот, что не дают вам наслаждаться существованием в вашем трехмере.

– Да как я от нее избавлюсь-то? – Светлана готова была зарыдать. – Я тут-то боюсь стоять, я не знаю, смогу ли выйти отсюда, меня вчера медуза напугала. Чуть не до смерти. Какая она, эта сирена, чем мне ее убивать? Этих сирен хоть кто-нибудь убивал?

Она говорила с упреком, словно этот голос, этот Лю виноват во всем, что с ней происходит. Ей нужно было найти виновного, хоть кого-то. Хорошо, что Лю был невозмутим. Он все тем же красивым и поставленным голосом отвечал бесстрастно:

– Я никогда не видел сирен, я знаю о них понаслышке, от таких же людей, как и вы, знаю, что это немаленькие существа, живущие на острове. Как их убить? Я этого тоже не знаю, но я знаю, что местная фауна и флора настолько смертоносны, что при желании способ можно будет найти. Что вам делать с вашим страхом – вам нужно его преодолеть, в этом вам никто не поможет. Это зависит только от вас. Я бы попытался стабилизировать ваше эмоциональное состояние, но мое время уже на исходе, я скоро должен буду покинуть вас.

– Лю, Лю... – Света сдерживалась, чтобы не зарыдать. – Так что мне делать? Сейчас и вообще... Что делать?

– Первое: стабилизировать свое эмоциональное состояние. Второе: найти себе одежду, обувь и инструмент, типа палки, что у вас была. Третье: изучить маршрут к острову, где живут сирены. Четвертое: собрать о них информацию и разработать средство против них. Пятое: применить к ним разработанное средство.

– Это... Это все очень сложно... – Она всхлипнула и поднесла руку к лицу, ей казалось, что все-таки она не удержала слезу.

– Да, сложно, но сделайте хотя бы первый шаг. Напоминаю: одежда, обувь, инструмент. Все, я оставляю вас.

– Лю, Лю... – звала девочка, но ответа так и не услышала.

Как хорошо, как спокойно было, когда голос с ней разговаривал. А теперь тишина, где-то заорал крикун. Туман стал блекнуть. Она подняла голову. Кажется, посветлело небо. Внизу шебуршала жаба. Светлана начинала к ней привыкать.

Вот и свет, девочка не торопясь спускается вниз, к выходу из развалин. Ей очень не хочется, чтобы жаба на нее плюнула, но внизу тихо. Жабы не слышно. Становится заметно теплее. Уже скоро будет жечь солнце. Высунув голову из прохода, она оглядывается по сторо-

нам. Никого, ничего необычного не видит. Груды битого кирпича, строительный мусор – и все. Она делает первый шаг.

Глава 12

Она сначала даже не узнала свою майку, та была грязна и порвана чуть ли не на ленты, кто-то рвал ее зачем-то, наверное, ему не давал покоя запах крови. Майка и раньше была ветхой, а сейчас просто превратилась в грязную тряпку, но Света зачем-то подняла ее. Ей бы палку найти... Но палку утащила медуза. Медуза. Точно. Она стала озираться. И слава богу! В двух сотнях метров от нее и, кажется, по направлению к ней плыла как раз такая же, а может, и та, что была вчера.

Вот уж нет, Света сразу побежала, но у нее хватило смелости бежать не в свое укрытие, а, наоборот, от него, к камню. Бежала, аккуратно выбирая безопасное место для каждого следующего шага. Пробежав метров сто, остановилась около большого обломка стены с помятой железной дверью, за которой, в случае чего, можно было спрятаться. Обернулась. Да, это ужасное существо явно летело за ней, но вот в чем она теперь не сомневалась, так это в том, что медуза движется весьма медленно. От нее всегда можно убежать... Если, конечно, ее видишь. А вот в тумане... Да, Лю был прав, в тумане ее не рассмотреть, в тумане она очень опасна, ведь никогда не угадаешь, откуда прилетят жгуты с липкими «ладошками».

Она пробежала мимо серебряной лужайки и еще дальше. Обернулась. Да, медуза ее потеряла. Теперь она медленно плыла, резко сокращаясь всем своим гигантским зонтиком, куда-то в сторону. Светлана перешла на шаг и огляделась: кругом горы битого кирпича, обломки толстых стен. О, здесь росли одуванчики. На кирпичках кое-где желтели эти маленькие цветы. Ей нужно быть осторожной, везде острые предметы на земле, куски железа и стекла. Еще одна серебряная лужайка между двух куч кирпича. Надо смотреть под ноги все время. И на небо тоже. Она подняла глаза. Медуза уплывала вдаль, еще одна висела далеко-далеко, в небе кружили две большие птицы. С басовитым жужжанием ей на грудь со шлепком упало неприятное насекомое и стало деловито готовиться ее есть, Света с отвращением тряпкой-майкой смахнула его на землю. И пошла дальше к целым домам. Те выглядели хорошо, были как «живые», даже все стекла сохранились, и до них было уже близко.

Подойдя к первому целому дому, Света осторожно заглянула за угол. И увидела... какого-то мужика. Все его тело, кисти рук и шея, даже лицо, было вымазано черно-синей краской. Да, настоящий мужчина, заметно старше папы. Одет в грязные белые трусы и крепкие ботинки, за спиной у него был большой рюкзак, на носу черные некрасивые очки, почти невидимые на черном же фоне лица, а в руках он сжимал длинную палку, на конце которой красовался крепко примотанный изолентой нож. Он остановился и скорчился, по его лицу было видно, что боль нешуточная. Спазм прошел, и он выпрямился. Вздыхнул и, чуть пошатываясь, пошел дальше. Озираясь, подошел к допотопной машине, что стояла у подъезда. Такие

машины Светлана видела только в кино. Двери, капот и багажник настежь, а стекло в машине не было. Мужчина заглянул в нее и стал что-то искать, копаться, прислонив свою палку с ножом к крылу автомобиля. И тут новый приступ боли скрутил его, он выпрямился и... увидел Светлану. Мужик сразу схватился за оружие, про боль позабыл. А девочка вышла из-за угла в надежде поговорить. Света прикрыла грудь тряпкой-майкой, а правую руку приподняла вверх: привет. Она не успела ему ничего сказать, мужчина закричал первый:

– У меня ничего нет! – Он явно был напуган. – У меня пустой рюкзак.

Он стал пятиться, выставив вперед копые. Девочка хотела крикнуть, что она просто хочет поговорить, но мужчина, измазанный краской, продолжал орать:

– Не подходи! Я буду драться, я распорю тебе брюхо! Стой там, у меня все равно ничего нет, и я намазан соком фикуса! Видишь, видишь, я синий? – Он поднял руку, чтобы девочка ее рассмотрела. – Я весь в соке фикуса. Будешь блевать...

Он пятился, пятился, а потом повернулся и неуклюже побежал прочь, болтая рюкзаком на спине из стороны в сторону. Быстро побежал, для его-то возраста. И, оббегая препятствия, скрылся за углом следующего целого дома. Поговорить не вышло.

Света была растеряна и напугана поведением мужчины. Что он там ей кричал? Что у него ничего нет? И еще что она будет блевать, кажется. Пока она думала, одно за другим прилетели два противных насекомых, пытались сесть ей на кожу. Она стряхивала их и вдруг поняла, что кожа-то у нее горит, на плечах, на груди, так горит, как на юге, когда с непривычки первые дни слишком много бываешь на солнце. И вправду, солнце пекло немилосердно. Надо поискать тень. У машины появились какие-то зверьки, вылезли из разбитого канализационного люка, небольшие, может, с кошку, но это были не кошки, спроси ее кто, что это за зверь, она бы не смогла его даже описать. Светлана решила для себя, что это крысы. И были зверьки даже на вид весьма неприятные. Да, ей нужна новая палка, а в идеале – палка с крепко прикрученным к ее концу ножом, как у сбежавшего мужика. Стараясь не обратить на себя внимание крыс, она прошла вдоль стены и подошла к первой попавшейся двери. Светлана не была человеком опытным, она не думала о том, что будет, окажись на двери панель домофона. Она просто подошла к двери и удивилась. Домофона не оказалось, мало того, дверь была деревянной, а не железной. И ручка, большая деревянная ручка на большой деревянной двери. Света потянула дверь на себя, и та, на удивление для такой большой двери, поддавалась весьма легко. И ее чуть не оглушил звон одновременно взлетевших огромных мух, она даже прищурилась от этого звука, десяток мерзких созданий кинулись на свет, врезаясь в девочку, а вместе с ними на нее из подъезда обрушился густой, омерзительный запах. Смесь фекалий и полностью разложившегося мяса. Одного взгляда девочке хватило, чтобы не идти в этот подъезд. Там, сразу за порогом, в двух шагах от лестницы, лежало свернувшееся калачиком черное тело. Светлана даже не смогла разобрать по его ногам, по ступням, человек это или нет. Кажется, в теле было больше человеческого. А на нем, кроме мух, ползали десятки хорошо знакомых крепеньких и блестящих кусак. Свету замутило, да тут от одного запаха умереть можно, она отпрянула от парадной, даже не подумав закрыть дверь, и пошла прочь, едва сдерживая рвотные позывы. Обернулась только один раз и увидела, как те противные зверьки, которых она считала крысами, весьма проворно кинулись к открытой двери, видно, на запах.

В следующей парадной никаких тел не лежало, горели лампы, но стойкий запах фекалий и застарелой грязи присутствовал и здесь. Зато не было такого свирепого солнца. Она огляделась. Странное дело, но тут все было другое: другие перила, двери, плафоны, звонки на дверях другие. Девочка тихонечко, прислушиваясь ко всякому шуму, пошла вверх по прохладным и липким ступенькам, осматриваясь. Но все двери на первом этаже оказались закрыты.

Одну из дверей она даже подергала. Нет. Заперта. Светлана поднялась на второй этаж. Там, на площадке, она увидела допотопный трехколесный детский велосипед, стоящий у одной из дверей. Выше, этажа на два, зло закричала птица, громко захлопала крыльями, но этих

птиц Светлана не боялась, они кричали в небе. Она пошла дальше, на третий этаж. Птица не птица, а обувь и одежда ей очень нужны. И на третьем этаже она нашла открытую дверь. В этой квартире не было ничего, мусор да высохшие испражнения, которые даже уже не воняют от старости. На полу в одной комнате она нашла древний музыкальный аппарат, на котором проигрывают пластинки в пожелтевших конвертах.

«Клавдия Шульженко», – прочитала девочка надпись на одном из конвертов. Она даже не могла вспомнить такого имени, и в этой квартире все ей казалось чужим. Паркет, сломанная мебель, эмалированный бидон, желтый с красными вишнями, даже витые провода и черные уродливые выключатели. Все было не такое, как у нее дома. Она, перешагивая через мусор и остатки мебели, подошла к окну, из которого в комнату вливались до боли в глазах белые лучи солнца. И сразу узнала то место, которое увидела из окна. Проспект Юрия Гагарина.

А если взглянуть чуть левее, знакомый с детства перекресток Гагарина и Бассейной. Весь проспект был отлично виден. В ее мире... там, не во сне, проспект не видно из-за больших деревьев, что растут вдоль дороги, а тут деревьев нет. Он весь как на ладони. А чуть левее она увидела СКК. Да, тут он еще стоял, а в реальности его снесли почти год назад. СКК был большим, серым, тяжелым зданием, но в ярком солнце казался абсолютно белым, и огромная площадь вокруг него тоже казалась белой и еще горячее, и над всем этим светлым местом почти неподвижно висели три медузы. Большая и две поменьше. Неприятное место. Но сразу за ними она увидела в дымке большую и хорошо знакомую красивую вывеску «Радуга». Это был один из любимых торговых комплексов: сколько фильмов она там посмотрела, сколько всего купила, сколько съела вкусного на фудкорте. Вспомнила – и сразу есть захотела, странно, раньше она здесь о еде не думала, а тут вдруг захотела, от гриль-чickenбургера она бы сейчас не отказалась, да и попила бы чего-нибудь. Но это все мечты, а пока ей нужно искать одежду и оружие. Тут, среди старого хлама, ничего стоящего найти она не смогла. Девочка на всякий случай зашла в ванную, вдруг там есть швабра. Нет, тоже ничего, только хлам. Она вдруг поняла, что найти что-нибудь полезное будет непросто. Кажется, до нее в этом доме побывало много людей. Она вышла из квартиры и пошла на следующий этаж. А там царил полный хаос, обнаружилось гнездо уродливой птицы, которая разбила окно и поселилась прямо на лестничной площадке, загадив все вокруг, засыпав серой чешуей и переваренными скелетами каких-то зверьков. Птица лежала в гнезде, и снизу девочка ее не сразу заметила. Зато птица ее увидела, когда Света почти поднялась. Она выскочила из гнезда, зашипела так яростно, что девочка отшатнулась, тем более что птица была немаленькой, побольше чайки. Она захлопала крыльями и кинулась на Светлану, но девочка отмахнулась и весьма удачно сбила ее на загаженный бетон. И ужасная птица стала взлетать, яростно бить крыльями, поднимая с пола весь сор, и оглушительно орать. Второй раз кинуться на девочку она не решилась, вылетела в окно, но не улетела, а кружила возле окна и орала, орала, орала. Светлана даже уши заткнула. Она случайно заглянула в гнездо и увидела там нечто бесформенное, жидкое, в прозрачной пленке, с круглым птичьим глазом под ней. Мерзость! Да еще и жуткий ор птицы в паре метров от окна. Света не стала подниматься дальше, а быстро побежала вниз, позабыв про осторожность. Лишь бы побыстрее уйти от орущей на всю округу птицы.

Света выскочила на почти белый и на удивление целый асфальт во дворе. Из прохлады и полумрака парадной и сразу на солнце – ей пришлось сощуриться, иначе бы потекли слезы из глаз. Она повернула к следующей парадной, дверь которой была приоткрыта...

Ни боли, ни страха девочка не почувствовала. Кто-то просто схватил ее за волосы, дернул сильно... Она упала на очень горячий асфальт, даже не понимая, что происходит. А после поняла: ее крепко держат за волосы, и очень сильная рука тащит ее, стирая кожу на бедре и коленке об асфальт. Она еще не пришла в себя от неожиданности, не заплакала, не закричала – все произошло слишком внезапно, страх еще не пришел, боль еще была терпимой, но вот удивление, удивление овладело девочкой, тем более что она слышала бормотание:

– Наглость... Наглая... – Затем смешки. – Бродит тут наглая... Аглая не любит этого... Не любит...

А еще был запах пота, резкий и едкий. Запах сильного тела. Но голос... Это не голос «синего» мужика с палкой и рюкзаком, голос был женский. Светлана попыталась схватить руку, что сжимала ее волосы, но ее пнули в бок под ребра и потащили дальше, и вот только сейчас ей стало страшно и больно...

Но все закончилось; когда боль на ободранном асфальтом бедре усилилась, ее втащили в теник дома, отпустили, и она увидела лицо женщины. Волосы черные, над губой полоской черные волоски усов и оранжевые веснушки по всей коже. Она схватила Светлану за щеки пятерней – пальцы сильные, как щипцы, под ногтями грязь, – повернула к себе, заглянула девочке в глаза:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.